

Крылов И.А.

Басни.

1393 - 25.10.08
 1600 - 7.11.08
 285 - 2.12.08

3 ТМО Т. 3.600.000

Р1
 К85
 Кромова
 Басни

Тамбовская, 1957

4203	3/III-07	3-54	Храет
1393	25/X	-0	
7.11.08	36		
285			

4203-03.03.07

80

И. А. КРЫЛОВ

БАСНИ

ТАТГОСИЗДАТ
 КАЗАНЬ 1951

130
Обложка художников
Кукрыниксы

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, — Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещунына с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

МУЗЫКАНТЫ

Сосед соседа звал откусать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало,
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня», сказал он с удивленьем:
«Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!» —
«То правда», отвечал хозяин с умиленьем:
«Они немножечко дерут:
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».

А я скажу: по мне уж лучше ней,
Да дело разумеи.

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил:
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен Московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу?»
Ей с возу Курица кричит:
«Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». —
«Мне что до этого за дело?»
Вещунья ей в ответ: «Я здесь останусь смело.

Вот ваши сестры как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
...т входит в комнату Механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом;
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом,
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет — и Ларчик вам открою:
В Механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.

137
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
Потел, потел; но, наконец, устал,
От Ларчика отстал,
И как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

Невеста-девушка смышляла жениха:
Тут нет еще греха,
Да вот что грех: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы всё имел — кто ж может всё иметь?
Еще и то заметь,
Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,
Что женихи, как на отбор,
Презнатные катили к ней на двор.
Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,
А ей они на взгляд
Не женихи, а женишонки!
Ну, как ей выбирать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да, жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;
Тут этак, там не так;
Ну, не придет никто по мысли ей никак.
Посмолкли женихи, годка два перепали,
Другие новых свах заслали:
Да только женихи средней уж руки.
«Какие простаки!»
Твердит красавица: «по них ли я невеста?»
Ну, право, их затей не у места!

И не таких я женихов
С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила,
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела и ночь я, право, сплю спокойно:
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно». —
Толпа и эта уплыла.
Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи наворачиваться реже.
Проходит год,
Никто нейдет;
Еще минул годок, еще уплыл год целый:
К ней свах никто не шлет.
Вот наша девушка уж стала девой зрелой.
Зачнет считать своих подруг
(А сй считать большой досуг):
Та замужем давно, другую сговорили;
Ее как будто позабыли.
Закралась грусть в красавицыну грудь
Посмотришь: зеркало докладывай сй стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Из прелестей ее лихое время крало.
Сперва румянца нет; там живости в глазах;
Умильны ямочки пропали на щеках;
Беселость, резвости, как будто ускользнули;
Там волоска два-три седые проглянули:
Бедя со всех сторон!
Бывало, без нее собранье не прелестно;
От пленников ее вокруг ней бывало тесно:
А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!
Гот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужством торопиться:
Перестает она гордиться.
Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда свое твердит.
Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

РОЩА И ОГОНЬ

130
С разбором выбирай друзей.
Когда корысть себя личной дружбы крост, —
Она тебе лишь яму роет.
Чтоб эту истину понять еще ясней,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонек под Рощей тлился;
Как видно, тут он был дорожными забыт.
Час-от-часу Огонь слабее становился;
Дров новых нет; Огонь мой чуть горит
И, видя свой конец, так Роще говорит:
«Скажи мне, Роща дорогая!
За что твоя так участь жестока,
Что на тебе не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсем нагая?» —
«Затем, что вся в снегу,
Зимой ни зеленеть, ни цвести я не могу»,
Огню так Роща отвечает.
«Безделица!» Огонь ей продолжает:
«Лишь подружись со мной; тебе я помогу.
Я солнцев брат и зимнею порою
Чудес не меньше солнца строю.
Спроси в теплицах об Огне:
Зимой, когда кругом и снег и выюга веет,
Там всё или цветет, или зреет:
А всё за всё спасибо мне.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу в силе я никак не уступлю.
Как здесь оно спесиво ни блистало,
Но без вреда снегам спустилось на ночлег;
А около меня, смотри, как тает снег;
Так если зеленеть желаешь ты зимою,
Как летом и весною,
Дай у себя мне уголок!»
Вот дело слажено: уж в Роще Огонек
Становится Огнем, Огонь не дремлет:
Бежит по ветвям, по сучкам;

Клубами черный дым несется к облакам,
И пламя лютее всю Рощу вдруг объемлет.
Погибло всё вконец, — и там, где в знойные дни
Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пенки стоят одни,
И нечему дивиться:
Как дереву с огнем дружиться?

ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в истории мы тьму примеров слышим,
Но мы истории не пишем;
А вот о том как в баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое

С песком и с илом?
За дерзость такую
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести: что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью,
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне еще и от роду нет году»,
Ягненок говорит. — «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум или сват,
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

131
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите:
Но я с тобой за их разведуюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать.
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал — и в темный лес Ягненка поволок.

ОБЕЗЬЯНЫ

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,
И боже сохрани, как худо!
Я приведу пример тому из дальних стран.
Кто Обезьян видал, те знают,
Как жадно всё они перенимают.
Так в Африке, где много Обезьян,
Их стая целая сидела
По сучьям, по ветвям на дереве густом
И на ловца украдкою глядела,
Как по траве в сетях катался он кругом
Подруга каждая тут тихо толк подругу,
И шепчут все друг другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затеям у него так, право, нет конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь в комок
Он так сберется,
Что не видать ни рук, ни ног.
Уж мы ль на всё не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы нам это перенять.
Он, кажется, себя довольно позабавил;
Авось уйдет, тогда мы тотчас...» Глядь,
Он подлинно ушел и сети им оставил.
«Что ж», говорят они: «и время нам терять?»

Пойдем-ка попытаемся!»
Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей.
Ну в них они кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричат, визжат — веселье хоть куда!
Да вот беда,
Когда пришло из сети выдираться!
Хозяин между тем стерег
И, видя, что пора, идет к гостям с мешками,
Они, чтоб наутёк,
Да уж никто распутаться не мог;
И всех их побрали руками.

СИНИЦА

Синица на море пустилась;
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расслабилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан, и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлепать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тароватый
Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? и не кипит.
И чем же кончились затей величавы?
Синица со стыдом в-своеси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

131
Примолвить к речи здесь годится,
Но ничего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть!» говорит она: «и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на-волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, — цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

ЧЕРВОНЕЦ

Полезно ль просвещение?
Полезно, слова нет о том.
Но просвещением зовем
Мы часто роскоши прельщенье:
И даже нравов развращенье:
Так надобно гораздо разбирать,

Как станешь грубости кору с людей сдирать,
Чтоб с ней и добрых свойств у них не растерять,
Чтоб не ослабить дух их, не испортить нравы,
Не разлучить их с простотой
И, давши только блеск пустой,
Бесславья не навлечь им вместо славы.

Об этой истине святой
Преважных бы речей на целу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Так с шуткой пополам
Я басней доказать ее намерен вам.

Мужик, простак, каких везде немало,
Нашел Червонец на земли.
Червонец был запачкан и в пыли;
Однако ж пятаков пригоршни трон
Червонца на обмен крестьянину дают.
«Постой же», думает мужик: «дадут мне вдвое;
Придумал кой-что я такое,
Что у меня его с руками оторвут».
Тут, взяв песку, дресвы и мелу
И натолокши кирпича,
Мужик мой приступает к делу,
И со всего плеча
Червонец о кирпич он точит,
Дресвой дерет,
Песком и мелом трет;
Ну, словом, так, как жар, его поставить хочет.
И подлинно, как жар, Червонец заиграл:
Да только стало
В нем весу мало,
И цену прежнюю Червонец потерял.

ТРОЕЖЕНЕЦ

Какой-то греховодник
Женился от живой жены еще на двух.
Лишь до Царя о том донесся слух
(А Царь был строг и не охотник
Таким соблазнам потакать),

13
Он Многоженца вмиг велел под суд отдать,
И выдумать ему такое наказание,
Чтоб в страх привести народ,
И покуситься бы никто не мог вперед
На столь большое злодеянье:
«А коль увижу-де, что казнь ему мала,
Повешу тут же всех судей вокруг стола».
Судьям худые шутки:
В холодный пот кидает их боязнь.
Судьи толкуют трои сутки,
Какую б выдумать преступнику им казнь.
Их есть и тысячи; но опытами знают,
Что все они людей от зла не отучают.
Однако ж, наконец, их надоумил бог.
Преступник призван в суд для объявления
Судейского решения,
Которым, с общего сужденья,
Приговорили: жен отдать ему всех трех.
Народ суду такому изумился
И ждал, что Царь велит повесить всех судей,
Но не прошло четырех дней,
Как Троеженец удавился:
И этот приговор такой наделал страх,
Что с той поры на трех женах
Никто в том царстве не женился.

ОРЕЛ И КУРЫ

Желая светлым днем вполне налюбоваться,
Орел поднебесью летал
И там гулял,
Где молнии рождаются.
Спустившись, наконец, из облачных вышин,
Царь-птица отдыхать садится на овин.
Хоть это для Орла насесток незавидный,
Но у царей свои причуды есть:
Быть может, он хотел овину сделать честь,
Иль не было вблизи, ему по чину сесть,
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль, но только что Орел

Не много посидел
И тут же на другой овин перелетел.
Увидя то, хохлатая наседка
Толкует так с своей кумой:
«За что Орлы в чести такой?
Неужли за полет, голубушка соседка?
Ну, право, если захочу,
С овина на овин и я перелечу.
Не будем же вперед такие дуры,
Чтоб почитать Орлов знатнее нас.
Не больше нашего у них ни ног, ни глаз;
Да ты же видела сейчас
Что пониже они летают так, как куры».
Орел ответствует, наскуча вздором тем:
«Ты права, только не совсем.
Орлам случается и ниже кур спускаться;
Но курам никогда до облак не подняться!»

Когда таланты судишь ты, —
Считать их слабости, трудов не трать напрасно;
Но, чувствуя, что в них и сильно, и прекрасно,
Умей различны их постигнуть высоты.

МОР ЗВЕРЕЙ

Лютейший бич небес, природы ужас — мор
Свирепствует в лесах. Уныли звери;
В ад распахнулись настежь двери:
Смерть рыщет по полям, по рвам, по высам гор:
Везде разметаны ее свирепства жертвы:
Неумолимая, как сено, косит их,
А те, которые в живых,
Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
Перевернул совсем их страх,
Те ж звери, да не те в великих столь бедах:
Не давит волк овец и смирен, как монах;
Мир курам дав, лиса постится в подземелье:
Им и еда на ум нейдет.
С голубкой голубь врознь живет,
Любви в помине больше нет:
А без любви какое уж веселье?

В сем горе на совет зверей сзывает Лев.
Ташатся шаг-за-шаг, чуть держатся в них души.
Сбредлись и в тишине, царя вокруг обсев,
Уставили глаза и приложили уши.
«О, други!» начал Лев: «по множеству грехов
Подпали мы под сильный гнев богов,
Так тот из нас, кто всех виновен боле,
Пускай по доброй воле
Отдаст себя на жертву им!
Быть может, что богам мы этим угодим,
И теплое усердье нашей веры
Смягчит жестокость гнева их.
Кому не ведомо из вас, друзей моих,
Что добровольных жертв таких
Бывали многие в истории примеры?
Итак, смиря свой дух,
Пусть исповедует здесь всякой вслух,
В чем погрешил когда он вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Ох, признаюсь — хоть это мне и больно —
Не прав и я!
Овечек бедненьких — за что? — совсем безвинно
Дирал бесчинно;
А иногда — кто без греха?
Случалось, драл и пастуха:
И в жертву предаюсь охотно.
Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
Свои грехи: на ком их боле есть,
Того бы в жертву и принести, —
И было бы богам то более угодно». —
«О, царь наш, добрый царь! От лишней доброты»,
Лисица говорит: «в грех это ставишь ты.
Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
То придет с голоду пропасть нам наконец;
Притом же, наш отец!
Поверь, что это честь большая для овец,
Когда ты их изволишь кушать.
А что до пастухов, мы все здесь бьем челом:
Их чаще так учить — им это поделом.
Бесхвостый этот род лишь глупой спесью дышит,
И нашими себя везде царями пишет».

Окончила Лиса; за ней, на тот же лад,
Льстецы Льву то же говорят,
И всякой доказать спешит наперехват,
Что даже не в чем Льву просить и отпущенья.
За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой черёд.
Во весь народ
Поведали свои смиренно погрешенья;
Но их безбожных самых дел
Никто и шевелить не смел.
И все, кто были тут богаты
Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
Со всех сторон
Не только правы, чуть не святы.
В свой ряд смиренный Вол им так мычит: «И мы
Грешны Тому лет пять, когда зимой кормы
Нам были худы,
На грех меня лукавый натолкнул:
Ни от кого себе найти не могли ссуды,
Из стога у попа я клок сенца стянул».
При сих словах поднялся шум и толки;
Кричат Медведи, Тигры, Волки:
«Смотри, злодей какой!
Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконие его к нам столько строги?
Его, бесчинника, с рогатой головой,
Его принести богам за все его проказы,
Чтоб и телá нам спасти, и нравы от заразы!
Так, по его грехам у нас и мор такой!»
Приговорили —
И на костер Вола взвалили.

И в людях так же говорят:
Кто помирней, так тот и виноват.

БАЧКА
Приятель своего приятеля просил,
Чтоб Бранко его дни на три он ссудил.
Услуга в дружбе — вещь святая!
Вот, если бы дело шло о деньгах, речь иная:

Тут дружба в сторону, и можно б отказать;
А Бочки для чего не дать?
Как возвратилась она, тогда опять
Возить в ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только в том:
Та Бочка для вина брана откупщиком,
И настоялась так в два дни она вином,
Что винный дух пошел от ней во всем:
Квас, пиво ли сварят, ну даже и в съестном.
Хозяин бился с ней близ году;
То выпарит, то ей проветриться дает;
Но чем ту Бочку ни нальет,
А винный дух всё вон нейдет,
И с Бочкой, наконец, он принужден расстаться.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьем вредным с юных дней
Нам стоит раз лишь напиться,
А там во всех твоих поступках и делах,
Каков ни будь ты на словах,
А всё им будешь отзываться.

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня!» кричат: «огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
Зубами щелкая и оцетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;

Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит, наконец,
Ему расщесться за овец, —
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосед»,
Тут ловчий перервал в ответ:
«Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

ЛИСИЦА И СУРОК

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?»
Лисицу спрашивал Сурок.
«Ох, мой голубчик-куманек!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска не доедала,
Ночей не досыпала:
И я ж за то под гнев подпала;
А всё по клеветам. Ну, сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько». —
«Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —

А смотришь, помаленьку,
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свестъ,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согрешишь, не скажешь.
Что у него пушок на рыльце есть.

ПРОХОЖИЕ И СОБАКИ

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой,
Как вдруг из подворотни
Дворняжка тявкнула на них;
За ней другая, там еще две-три, и вмиг
Со всех сторон Собак сбежалось с полсотни.
Один-было уже Прохожий ему сказал:
«И, полно, братец!» тут другой ему сказал:
«Собак ты не уймешь от лаю,
Лишь пуше всю раздражишь стаю;
Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконец, совсем их не слышать.

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою ступай:
Полают да отстанут.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕИ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.

Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой,
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты лето?»
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякой час,
Так, что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Л Ж Е Ц

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилыгал.
«Нет», говорит: «что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!

И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год всё видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет;
А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:

Ах, мой творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору». —
«Что за диковина!» приятель отвечал:
«На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал,
Мы сами вот теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал.

И я в том спорить буду.
Вон видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:
Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет:
До половины не дойдет —
Провалится и в воду упадет;
Но кто не лжет,
Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете». —
«А какова у вас река?» —
«Да не мелка.

Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том,
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?» —
«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом». —
«Поверить трудно!

Однако ж как ни чудно,
А всё чудён и мост, по коем мы пойдем,
Что он Лжеца никак не подымает;
И нынешней еще весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста да портной.

Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо». —
«Ну, не такое еще диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:

Не думай, что везде по-нашему хоромы,
Что там за домы:

В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!» —
«Пусть так, но всё признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.

Однако ж мост-ат наш каков,
Что лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...» —
«Послушай-ка», тут перервал мой Лжец:
«Чем на мост нам идти, поищем лучше броду».

ОРЕЛ И ПЧЕЛА

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придает,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживлен одной,
Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как Пчела хлопочет вокруг цветка,
Сказал Орел однажды ей с презреньем:
«Как ты, бедняжка, мне жалка,
Со всей твоей работой и с уменьем!
Вас в улье тысячи всё лето лепят сот:
Да кто же после разберет
И отличит твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться целый век и что ж иметь в виду?..
Безвестной умереть со всеми паряду!
Какая разница меж нами!
Когда, расширися шумящими крылами,
Ношуся я под облаками,
То всюду рассеваю страх:

Не смеют от земли пернатые подняться,
Не дремлют пастухи при тучных их стадах;
Ни лани быстрые не смеют на полях,
Меня завидя, показаться.
Пчела ответствует: «Тебе хвала и честь!
Да продлит над тобой Зевес свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищущих работ,
Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть».

ЩУКА И КОТ

Беда, коль пироги начнет печи сапожник.
А сапоги тачать пирожник:
И дело не пойдет на лад,
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот всегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело всё погубит.
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошащее приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу?»
Стал Щуке Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даром говорится,
Что дело мастера боится». —
«И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей». —

«Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели,
Натешился, наелся Кот
И кумушку провести он идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот, —
И крысы хвост у ней отъели.
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

ВОЛК И КУКУШКА

«Прощай, соседка!» Волк Кукушке говорил:
«Напрасно я себя покоем здесь манил!
Всё те ж у вас и люди, и собаки:
Один другого злей; и хоть ты ангел будь,
Так не минуешь с ними драки». —
«А далеко ль соседу путь?
И где такой народ благочестивый,
С которым думаешь ты жить в ладу?» —
«О, я прямехонько иду
В леса Аркадии счастливой.
Соседка, то-то сторона!
Там, говорят, не знают, что война;
Как агнцы, кротки человеки,
И молоком текут там реки;
Ну, словом, царствуют златые времена!
Как братья, все друг с другом поступают,
И даже, говорят, собаки там не лают,
Не только не кусают.
Скажи ж сама, голубка, мне,
Не мило ль, даже и во сне,
Себя в краю таком увидеть тихом?
Прости! не поминай нас лихом!
Уж то-то там мы заживем:
В ладу, в довольстве, в неге!
Не так, как здесь, ходи с оглядкой днем.
И не засни спокойно на ночлеге». —

«Счастливым путь, сосед мой дорогой!»
Кукушка говорит: «а свой ты нрав и зубы
Здесь кинешь иль возьмешь с собой?» —
«Уж кинуть, вздор какой!» —
«Так вспомни же меня, что быть тебе без шубы».

Чем нравом кто дурней,
Тем более кричит и ропщет на людей:
Не видит добрых он, куда ни обернется,
А первый сам ни с кем не уживется.

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то всё у них пустяк.

КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят,
И если он у нас не виноват,
То это чудо!

Старик-Крестьянин с Батраком
Шел, под-вечер, леском,
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь напал.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка родной, не выдай, милой!»
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нем,
Отнес полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал:
Медведь мой издыхает.
Прошла беда: Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй», говорит: «за что?» — «За что, болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»

ОБОЗ

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять
А тут бы влево лишь принять».

Какой осел! Добро бы было в гору
Или в ночную пору;
А то и под-гору, и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под-гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На-славу;
По камням, рытвинам, пошли толчки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Всё кажется в другом ошибкой нам,
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

СЛОН НА ВОЕВОДСТВЕ

Кто знатен и силен,
Да не умен,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без урода:
Наш Воевода
В родню был толст,
Да не в родню был прост;
А с умыслу он мухи не обидит.
Вот добрый Воевода видит:

Вступило от овец прошение в Приказ:
«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас».
«О, плуты!» Слон кричит: «какое преступленье!
Кто грабить дал вам позволение?»
А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
Не ты ль нам к зиме на тулупы
Позволил легонький оброк собрать с овец?
А что они кричат, так овцы глупы:
Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять.
Да и того им жаль отдать». —
«Ну то-то ж», говорит им Слон: «смотрите!
Неправды я не потерплю ни в ком
По шкурке, так и быть, возьмите;
А больше их не троньте волоском».

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище:
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роше рассыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры;
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом,
«Изрядно», говорит: «сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:

Еще б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился.
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полегел за тридевять полей.

Избави, бог, и нас от этаких судей.

СЛОНИ И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
Как видно напоказ —
Известно, что Слоны в диковинку у нас —
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться»,
Ей шавка говорит: «тебе ль с Слоном возиться?»
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не примечает». —
«Эх, эх!» ей Моська отвечает:
«Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать она сильна,
Что лает на Слона!»

ВОЛК И ВОЛЧЕНОК

Волченка Волк, начав помалу приучать
Отцовским промыслом питаться,
Послал его опушкой прогуляться;
А между тем велел прилежней примечать,
Нельзя ль где счастья им отвесть,
Хоть, захватя греха,

На счет бы пастуха
Позавтракать иль пообедать!
Приходит ученик домой
И говорит: «Пойдем скорей со мной!
Обед готов; ничто не может быть вернее:
Там под горой
Пасут овец, одна другой жирнее;
Любую стоит лишь унести
И съесть;

А стадо таково, что трудно перечесть». —
«Постой-ка», Волк сказал: «сперва мне
ведать надо,

Каков пастух у стада?» —
«Хоть говорят, что он

Не плох, заботлив и умен;
Однако стадо я обшел со всех сторон
И высмотрел собак: они совсем не жирны,
И плохи, кажется, и смиренны». —
«Меня так этот слух»,

Волк старый говорит: «не очень к стаду манит;
Коль подлинно не плох пастух,
Так он плохих собак держать не станет.
Тут тотчас попадешь в беду!

Пойдем-ка, я тебя на стадо наведу,
Где сбережем верней мы наши шкуры:
Хотя при стаде том и множество собак,
Да сам пастух дурак;
А где пастух дурак, там и собаки дуры».

ОБЕЗЬЯНА

Как хочешь ты трудись,
Но приобрести не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нет в твоих трудах ни пользы, ни забавы.

Крестьянин на заре с сохой
Над полосой своей трудился;
Трудился так крестьянин мой,

Что градом пот с него катился:
Мужик работник был прямой.
Зато, кто мимо ни проходит,
От всех ему: спасибо, исполать!
Мартышку это в зависть вводит.
Хвалы приманчивы, — как их не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбан, и ну над ним возиться!
Хлопот
Мартышке полон рот:
Чурбан она то понесет,
То так, то сяк его обхватит,
То поволочет, то покатит;
Рекой с бедняжки льется пот;
И, наконец, она, пыхтя, насилу дышит:
А все ни от кого похвал себе не слышит.
И не диковинка, мой свет!
Трудишься много ты, да пользы в этом нет.

МЕШОК

В прихожей на полу,
В углу,
Пустой Мешок валялся.
У самых низких слуг
Он на обтирку ног нередко помыкался;
Как вдруг
Мешок наш в честь попался
И, весь червонцами набит,
В окованном ларце в сохранности лежит.
Хозяин сам его лелеет,
И бережет Мешок он так,
Что на него никак
Ни ветер не пахнет, ни муха сесть не смеет;
А сверх того с Мешком
Весь город стал знаком.
Приятель ли к хозяину приходит:
Охотно о Мешке речь ласкову заводит;
А ежели Мешок открыт,
То всякий на него умильно так глядит;

Когда же кто к нему подсядет,
То, верно, уж его потреплет иль погладит.
Увидя, что у всех он стал в такой чести,
Мешок завеличался,
Заумничал, зазнался,
Мешок заговорил и начал вздор нести;
О всем и рядит он и судит:
И то не так,
И тот дурак,
И из того-то худо будет.
Все только слушают его, разинув рот;
Хоть он такую дичь несет,
Что уши вянут,
Но у людей, к несчастью, тот порок,
Что им с червонцами Мешок
Что ни скажи, всему дивиться станут.
Но долго ль был Мешок в чести и слыл с умом,
И долго ли его ласкали?
Пока все из него червонцы потаскали;
А там он выброшен, и слуху нет о нем.

Мы басней никого обидеть не хотели,
Но сколько есть таких Мешков
Между откупщиков.
Которы некогда в подносчиках сидели;
Иль между игроков,
Которы у себя за редкость рубль видали,
А ныне, пополам с грехом, богаты стали;
С которыми теперь и графы и князья —
Друзья;
Которые теперь с вельможей,
У кого они не смели сесть в прихожей,
Играют за просто в бостон?
Велико дело — миллион!
Однако же, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать ли правду вам тишком?
Не дай бог, если разоритесь:
И с вами точно так поступят, как с Мешком.

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил,
И в этот день по куме тризну правил).
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за укусным боченком,
Мурлыча и ворча, трудится над курченком.
«Ах, ты, обжора! ах, злодей!»
Тут Ваську Повар, укоряет:
«Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька все-таки курченка убирает.)
Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут, —
А ты... ахти, какой позор!
Теперь все соседи скажут:
«Кот-Васька плут! Кот-Васька вор!»
И Ваську-де не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает да ест.)
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот-Васька всё жаркое съел.

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить попустому,
Где нужно власть употребить.

ЛЕВ И КОМАР

Бессильному не смейся,
И слабого обидеть не моги!
Мстят сильно иногда бессильные враги:
Так слишком на свою ты силу не надейся!
Послушай басню здесь о том,
Как больно Лев за спесь наказан Комаром.
Вот что о том я слышал стороною.
Сухое к Комару явил презренье Лев;
Зло взяло Комара: обиды не стерпев,
Собрался, поднялся Комар на Льва войною.
Сам ратник, сам трубач пищит во всю гортань
И вызывает Льва на смертоносну брань.
Льву смех, но наш Комар не шутит;
То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!
И, место высмотрев и время улуча,
Орлом на Льва спустился
И Льву в крестец всем жалом впился.
Лев прогнул и взмахнул хвостом на трубача.
Увертлив наш Комар, да он же и не трусит!
Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосет.
Лев голову крутит, Лев гривую трясет;
Но наш герой свое несет:
То в нос забьется Льву, то в ухо Льва укусит.
Вздурился Лев,
Престрашный поднял рев,
Скрежещет в ярости зубами
И землю он дерет когтями.
От рыка грозного окружный лес дрожит.
Страх обнял всех зверей; всё кроется, бежит.
Отколь у всех взялися ноги,
Как будто бы пришел потоп или пожар!
И кто ж? Комар
Наделал столько всем тревоги!
Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,
О землю грянулся и миру запросил.
Насытил злость Комар; Льва жалует он миром:
Из Ахиллеса вдруг становится Омиром,
И сам
Летит трубить свою победу по лесам.

ОГОРОДНИК И ФИЛОСОФ

Весной в своих грядках так рылся Огородник,
Как будто бы хотел он вырыть клад:
Мужик ретивый был работник,
И дюж, и свеж на взгляд;
Под огурцы один он взрыл с полсотни гряд.
Двор обо двор с ним жил охотник
До огородов и садов,
Великий краснобай, названный друг природы,
Недоученный Философ,
Который лишь из книг болтал про огороды.
Однако ж, за своим он вздумал сам ходить
И тоже огурцы садить;
А между тем смеялся так соседу:
«Сосед, как хочешь ты потей,
А я с работою моею
Далеко от тебя уеду;
И огород твой при моем
Казаться будет пустырем.
Да, правду говорить, я и тому дивился,
Что огородишко твой кое-как идет.
Как ты еще не разорился?
Ты, чай, ведь никаким наукам не учился?» —
«И некогда», соседа был ответ.
«Прилежность, навывк, руки:
Вот все мои тут и науки;
Мне бог и с ними хлеб дает». —
«Невежа! восставать против наук ты смеешь?» —
«Нет, барин, не толкуй моих так криво слов:
Коль ты что путное затеешь,
Я перенять всегда готов,
А вот, увидишь ты, лишь лета б нам дождаться...
Но, барин, не пора ль за дело приниматься?
Уж я кой-что посеял, посадил;
А ты и гряд еще не взрыл». —
«Да, я не взрыл, за недосугом:
Я всё читал
И вычитал,
Чем лучше: заступом их взрыть, сохой иль плугом.

Но время еще не уйдет». —
«Как вас, а нас оно не очень ждет»,
Последний отвечал, — и тут же с ним расстался,
Взяв заступ свой;

А Философ пошел домой.
Читал, выписывал, справлялся,
И в книгах рылся и в грядках,
С утра до вечера в трудах.
Едва с одной работою сладит,
Чуть на грядках лишь что взойдет:
В журналах новость он найдет —
Все перероев, пересадит
На новый лад и образец.
Какой же выпился конец?
У огородника вошло всё и поспело:
Он с прибылью, и в шляпе дело;
А Философ —
Без огурцов.

ДЕРЕВО

Увидя, что топор крестьянин нес,
«Голубчик», Дерево сказал молодое:
«Пожалуй, выруби вокруг меня ты лес,
Я не могу расти в покое:
Ни солнца мне не виден свет,
Ни для корней моих простору нет,
Ни ветеркам вокруг меня свободы;
Такие надо мной он сплесть изволил своды!
Когда б не от него расти помеха мне,
Я в год бы сделалась красою сей стране,
И тенью бы моею покрылась вся долина;
А ныне тонко я, почти как хворостина». —
Взялся крестьянин за топор,
И Дереву, как другу,
Он оказал услугу:
Вкруг Девца большой очистился простор;
Но торжество его недолго было!
То солнцем дерево печет,
То градом, то дождем сечет,

И ветром, наконец, то Деревцо сломило.
«Безумное!» ему сказала тут змея:
«Не от тебя ль беда твоя?
Когда б, укрытое в лесу, ты возрастало:
Тебе б вредить ни зной, ни ветры не могли,
Тебя бы старые деревья берегли;
А если б некогда деревьев тех не стало,
И время их бы отошло:
Тогда, в свою чреду, ты столько б возросло,
Усилилось и укрепилось,
Что нынешней беды с тобой бы не случилось,
И бурю, может быть, ты б выдержать могло!»

ГУСИ

Предлинной хвостинкой
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истину сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиной:
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали.
И, встретясь с прохожим на пути,
Вот так на мужика пеняли:
«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем;
Что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем:
Там даже праздники им в честь учреждены!» —
«А вы хотите быть за что отличены?»
Спросил прохожий их. «Да наши предки...» —
«Знаю,

И всё читал, но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?» —
«Да наши предки Рим спасли!» —

«Всё так, да вы что сделали такое?» —
«Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть?
Оставьте предков вы в покое:
Им по-делом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Баснь эту можно бы и боле пояснить —
Да чтоб гусей не раздражить.

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
Вокруг конюшен там и кухонь наслонялась;
В сору, в навозе извалялась,
В помоях по-уши до-сыта накупалась
И из гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
«Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого?»
Свинью спросил пастух:
«Ведь идет слух,
Что всё у богачей лишь бисер да жемчуг;
А в доме, так одно богачее другого?»
Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.
Я не заметила богатства никакого;
Всё только лишь навоз да сор;
А, кажется, уж, не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор».

Не дай бог никого сравненьем мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?»

МУХА И ДОРОЖНЫЕ

В Июле, в самый зной, в полуденную пору,
 Сыпучими песками, в гору,
 С поклажей и с семьей дворян,
 Четверкою рыдван
 Тащился.
 Кони измучились, и кучер как ни бился,
 Пришло хоть стать. Слезает с козел он
 И, лошадей мучитель,
 С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон:
 А легче нет Ползут из колымаги вон
 Боярин, барыня, их девка, сын, учитель.
 Но, зная, рыдван был плотно нагружен,
 Что лошади, хотя его тронули,
 Но в гору по песку едва-едва тянули.
 Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?
 Вступилась: ну жужжать во всю мушину ночь;
 Вокруг повозки суетится;
 То под носом юлит у коренной,
 То лоб укусит пристяжной,
 То вместо кучера на козлы вдруг садится,
 Или, оставя лошадей,
 И вдоль и поперек шныряет меж людей;
 Ну, словно откупщик на ярмарке хлопочет,
 И только плачется на то,
 Что ей ни в чем никто
 Никак помочь не хочет.
 Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком;
 Учитель с барыней шушукают тишком;
 Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,
 Ушел с служанкой в бор искать грибов на ужин;
 И Муха всем жужжит, что только лишь она
 О всем заботится одна.
 Меж тем лошадушки, шаг-за-шаг, понемногу,
 Втащились на ровную дорогу.
 «Ну», Муха говорит: «теперь я слава богу!
 Садитесь по местам, и добрый всем вам путь;
 А мне уж дайте отдохнуть
 Меня насилу крылья носят».

Куда людей на свете много есть,
 Которые везде хотят себя приплесть
 И любят хлопотать, где их совсем не просят.

ОРЕЛ И КРОТ

Не презирай совета ничьего,
 Но прежде рассмотри его.

Со стороны прибыв далекой
 В дремучий лес, Орел с Орлицею вдвоем
 Задумали навек остаться в нем
 И, выбравши ветвистый дуб, высокой,
 Гнездо себе в его вершине стали вить,
 Надеясь и детей тут вывести на лето.
 Услыша Крот про это,
 Орлу взял смелость доложить,
 Что этот дуб для их жилища не годится,
 Что весь почти он в корне сгнил
 И скоро, может быть, свалится;
 Так чтоб Орел гнезда на нем не вил.
 Но кстати ли Орлу принять совет из норки,
 И от Крота! А где же похвала,
 Что у Орла
 Глаза так зорки?
 И что за стать Кротам мешаться сметь в дела
 Царь-птицы!
 Так многого с Кротом не говоря,
 К работе поскорей, советчика презря, —
 И новоселье у царя
 Пспело скоро для царицы.
 Всё счастливо: уж есть и дети у Орлицы.
 Но что ж? — Однажды, как зарей,
 Орел из-под небес к семье своей
 С богатым завтраком с охоты торопился,
 Он видит, дуб его свалился,
 И подавило им Орлицу и детей.
 От горести не взвизывая свету,
 «Несчастный!» он сказал:

«За гордость рок меня так люто наказал,
 Что не послушался я умного совету,
 Но можно ль было ожидать,
 Чтобы ничтожный Крот совет мог добрый дать?» —
 «Когда бы ты не презрел мною»,
 Крот сказал: «то вспомнил бы, что рою
 Из норки норы под землей,
 Свои я случаясь близ корней,
 И что, случаясь близ корней,
 Здорово ль дерево, я знать могу верней».

КВАРТЕТ

Проказница-Мартышка,
 Осел,
 Козел
 Да косолапый Мишка
 Затеяли сыграть Квартет.
 Достали нот, баса, альты, две скрипки
 И сели на лужок под липки, —
 Пленять своим искусством свет.
 Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
 «Стой, братцы, стой!» кричит Мартышка:
 «погодите!
 Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
 Ты с басом, Мишенька, садись против альта,
 Я, прима, сяду против вторых;
 Тогда пойдет уж музыка не та:
 У нас запляшут лес и горы!»
 Расселись, начали Квартет;
 Он все-таки на лад нейдет.
 «Постойте ж, я сыскал секрет»,
 Кричит Осел: «мы, верно, уж поладим,
 Коль рядом сядем».
 Послушались Ослы: уселись чинно в ряд,
 А все-таки Квартет нейдет на лад.
 Вот, пуще прежнего, пошли у них разбор
 И споры,
 Кому и как сидеть.
 Случилось Соловью на шум их прилететь.
 Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье

«Пожалуй», говорят: «возьми на час терпенье,
 Чтобы Квартет в порядок наш привести:
 И ноты есть у нас, и инструменты есть:
 Скажи лишь, как нам сесты!» —
 «Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
 И уши ваших понежней»,
 Им отвечает Соловей:
 «А вы, друзья, как ни садитесь,
 Всё в музыканты не годитесь».

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
 Бросая по долине тень,
 Листы на дереве с зефирами шептали,
 Хвалились густотой, зеленостью своей
 И вот как о себе зефирам толковали:
 «Не правда ли, что мы краса долины всей?
 Что нами дерево так пышно и кудряво,
 Раскидисто и величаво?
 Что б было в нем без нас? Ну, право,
 Хвалить себя мы можем без греха!
 Не мы ль от зноя пастуха
 И странника в тени прохладной укрываем?
 Не мы ль красивостью своей
 Плясать сюда пастушек привлекаем?
 У нас же раннею и позднею зарей
 Насвистывает соловей.
 Да вы, зефиры, сами
 Почти не расстаётесь с нами». —
 «Примолвить можно бы спасибо тут и нам»,
 Им голос отвечал из-под земли смиренно.
 «Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
 Вы кто такие там,
 Что дерзко так считаться с нами стали?»
 Листы, по дереву шумя, залепетали.
 «Мы те»,
 Им снизу отвечали:
 «Которые, здесь роясь в темноте,
 Питаем вас. Ужель не узнаете?»

Мы корни дерева, на коем вы цветете,
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас».

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись:
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка,
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, — судить не нам;
Да только воз и ныне там.

СКВОРЕЦ

У всякого талант есть свой,
Но часто, на успех прельщаясь чужой,
Хватается за то иной,
В чем он совсем не годеи.
А мой совет такой:
Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец.

Какой-то смолоду Скворец
Так петь щегленком научился,
Как будто бы щегленком сам родился.
Игривым голоском весь лес он веселил,

И всякий Скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен частью;
Но Скворушка услышь, что хвалят соловья, —
А Скворушка завистлив был, к несчастью, —
И думает: «Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьиным ладом».
И подлинно запел;
Да только лишь совсем особым складом:
То он пищал, то он хрипел,
То верещал козленком,
То не путем
Мяукал он котенком;
И, словом, разогнал всех птиц своим пеньем.
Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль в том?
Пой лучше хорошо щегленком,
Чем дурно соловьем.

ПРУД И РЕКА

«Что это», говорил Реке соседний Пруд:
«Как на тебя ни взглянешь,
А воды всё твои текут!
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притом же, вижу я почти всегда,
То с грузом тяжкие суда,
То долговязые плоты ты носишь,
Уж я не говорю про лодки, челноки:
Им счету нет! Когда такую жизнь ты бросишь!
Я, право, высох бы с тоски.
В сравнении с твоим, как жребий мой приятен!
Конечно, я не знатен,
По карте не тянусь я через целый лист,
Мне не бренчит похвал какой-нибудь гуслист,
Да это, право, всё пустое!
Зато я в илистых и мягких берегах,
Как барыня в пуховиках,
Лежу и в неге, и в покое;
Не только что судов
Или плотов,

Мне здесь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каков тяжел челнок;
И много, ежели случится,
Что по воде моей чуть зыбнется листок,
Когда его ко мне забросит ветерок,
Что беззаботную заменит жизнь такую?

За ветрами со суету мирскую
И философствую сквозь сон». —
«А, философствуя, ты помнишь ли закон?»
Река на это отвечает:

«Что свежест лишь вода движеньем сохраняет?
И если стала я великою рекой,
Так это от того, что, кинувши покой,
Последую сему уставу.
Зато по всякий год,
Обилием и чистотою вод,
И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу.

И буду, может быть, еще я веки течь,
Когда уже тебя не будет и в помине
И о тебе совсем исчезнет речь».
Слова ее сбылись: она течет поныне;
А бедный Пруд год от году всё глож,
Заволочен весь тиною глубокой,
Зацвел, зарос осокой
И, наконец, совсем иссох.

Так дарование без пользы свету вянет,
Слабея всякий день,
Когда им овладеет лень
И оживлять его деятельность не станет.

ТРИШКИН КАФТАН

У Тришки на локтях кафтан продрался,
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов —
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?

Однако же смеется Тришке всяк,
А Тришка говорит: «Так я же не дурак,
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют;
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

ПУСТЫННИК И МЕДВЕДЬ

Хотя услуга нам при нужде дорогá,
Но за нее не всяк умеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто человек безродный, одинокой
Вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную, как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно нам и грусть и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?» —
«Прекрасны, что и говорить!
А всё прискучится, как не с кем молвить слова».
Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идет он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свести.
В лесу кого набрести,
Кроме волков или медведей?

И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.
О чем у них, и что бывало разговору,
Иль присказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был не говорлив;
Мишук с природы молчалив!
Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнитося,
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям
И по долам, и по горам;
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
«Приляг-ка, брат, и отдохни,
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу».
Пустынник был сговорчив: лег, зевнул
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах — да он и не без дела:
У друга на нос муха села;
Он друга обмахнул;
Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу.
И неотвязчивей час-от-часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,

Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватить друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врознь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!

ЦВЕТЫ

В отворенном окне богатого покоя,
В фарфоровых, расписанных горшках,
Цветы поддельные, с живыми вместе стоя,
На проволочных стебельках
Качались спесиво
И выставляли всем красу свою на-диво.
Вот дождик начал накрапать,
Цветы тафтяные Юпитера тут просят:
Нельзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругают и поносят.
«Юпитер!» молятся: «ты дождик прекрати;
Что в нем пути,
И что его на свете хуже?
Смотри, нельзя по улице пройти:
Везде лишь от него и грязь, и лужи».
Однако же Зевес не внял мольбе пустой,
И дождь себе прошел своею полосой.
Прогнавши зной,
Он воздух прохладил, природа оживилась,
И зелень вся как будто обновилась.
Тогда и на окне Цветы живые все
Раскинулись во всей своей красе,
И стали от дождя душистей,
Свежее и пушистей.
А бедные Цветы поддельные с тех пор
Лишились всей красоты и брошены на двор,
Как сор

Таланты истинны за критику не злятся:
Их повредить она не может красоты;
Одни поддельные цветы
Дождя боятся.

ЛЮБОПЫТНЫЯ

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?» —
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Всё видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни как изумруд, другие как коралл!
Какие крохотны коровки!» —
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!» —
«Я чай, подумал ты, что гору встретил?» —
«Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец, виноват;
Слона-то я и не приметил».

КРЕСТЬЯНЕ И РЕКА

Крестьяне, вышед из терпенья
От разоренья,
Что речки им и ручейки
При водопольи причиняли,
Пошли просить себе управы у Реки,
В которую ручьи и речки те впадали.
И было что на них донести!
Где озими разрыты;
Где мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та Река течет так смиренно, хоть и пышно;
На ней стоят большие города,
И никогда
За ней таких проказ не слышно:
Так, верно, их она уймет,
Между собой Крестьяне рассуждали.
Но что ж? как подходить к Реке поближе стали
И посмотрели, так узнали,

Что половину их добра по ней несет.
Тут, попусту не заводя хлопот,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потом взглянулись меж собой
И, покачавши головой,
Пошли домой.
А отходя проговорили:
«На что и время тратить нам!
На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам».

ДОБРАЯ ЛИСИЦА

Стрелок весной малиновку убил.
Уж пусть бы кончилось на ней несчастье злое.
Но нет; за ней должны еще погибнуть трое:
Он бедных трех ее птенцов осиротил.
Едва из скорлупы, без смыслу и без сил,
Малютки терпят голод
И холод
И писком жалобным зовут напрасно мать.
«Как можно не страдать,
Малюток этих видя;
И сердце чье об них не заболит?»
Лисица птицам говорит,
На камушке против гнезда сироток сидя:
«Не киньте, милые, без помощи детей;
Хотя по зернышку бедняжкам вы снесите,
Хоть по соломинке к их гнездышку приткните:
Вы этим жизнь их сохраните;
Что дела доброго святей!
Кукушка, посмотри, ведь ты и так линяешь:
Не лучше ль дать себя немножко ошипать
И перьем бы твоим постельку их устлать.
Ведь попусту ж его ты растеряешь.
Ты, жаворонок, чем по верхам
Тебе кувиркаться, кружиться,
Ты б корму поискал по нивам, по лугам,
Чтоб с сиротами поделиться.
Ты, горлинка, твои птенцы уж подросли,

Промыслить корм они и сами бы могли:
Так ты бы с своего гнезда слетела
Да вместо матери к малюткам села,
А деток бы твоих пусть бог
Берег.

Ты б, ласточка, ловила мошек,
Полакомить безродных крошек.
А ты бы, милый соловей, —
Ты знаешь, как всех голос твой прельщает, —
Меж тем, пока зефир их с гнездышком качает,
Ты б убаюкивал их песенкой своей.
Такою нежностью, я твердо верю,
Вы б заменили им их горькую потерю.
Послушайте меня: докажем, что в лесах
Есть добрые сердца и что...» При сих словах
Малютки бедные все трое,
Не могли с голоду сидеть в покое,
Попадали к Лисе на низ.
Что ж кумушка? — Тотчас их съела.
И поученья не допела.

Читатель, не дивись!
Кто добр поистине, не распложая слова,
В молчаньи тот добро творит,
А кто про доброту лишь в уши всем жужжит,
Тот часто только добр на счет другого,
Затем, что в этом нет убытка никакого.
На деле же почти такие люди все —
Сродни моей Лисе.

МИРСКАЯ СХОДКА

Какой порядок ни затей,
Но если он в руках бессовестных людей,
Они всегда найдут уловку,
Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

В овечьи старосты у Льва просился Волк.
Стараньем кумушки Лисицы.
Словцо о нем замолвлено у Лявицы.

Но так как о Волках худой на свете толк
И не сказали бы, что смотрит Лев на лица,
То велено звериный весь народ
Созвать на общий сход

И расспросить того, другого,
Что в Волке доброго он знает иль худого.
Исполнен и приказ: все звери созваны.
На сходке голоса чин-чином собраны:

Но против Волка нет ни слова,
И Волка велено в овчарню посадить.
Да что же Овцы говорили?
На сходке ведь они уж, верно, были? —
Вот то-то нет! Овец-то и забыли!
А их-то бы всего нужней спросить.

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». —
«Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ущица, ей-же-ей, на славу сварена!» —
«Я три тарелки съел». — «И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты, —
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарем подернулась она.
Потешь же, миленький дружок!
Вот лешик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Так потчевал сосед-Демьян соседа-Фоку
И не давал ему ни отдыха, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же еще тарелку он берет:
Сбирается с последней силой
И — очищает всю: «Вот друга я люблю!»
Вскричал Демьян: «зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,

Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь:
Но если помолчать во время не умеешь,
И ближнего ушей ты не жалеешь:
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

МЫШЬ И КРЫСА

«Соседка, слышала ль ты добрую молву?»
Вбежавши, Крысе Мышь сказала: —
«Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?»
Вот отдохнуть и нам пора настала!»
«Не радуйся, мой свет»,
Ей Крыса говорит в ответ:
«И не надейся попустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

ЧИЖ И ГОЛУБЬ

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль», говорит: «среди бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».

Ан смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперед чужой беде не смейся, Голубок.

КАМЕНЬ И ЧЕРВЯК

«Как расшумелся здесь! Какой невежа!»
Про дождик говорит на ниве Камень, лежа:
«А рады все ему, пожалуй — посмотри!
И ждали так, как гостя дорогого,
А что же сделал он такого?
Всего-то шел часа два-три.
Пускай же обо мне расспросят!
Так я уж веки здесь: тих, скромн завсегда,
Лежу смирихонько, куда меня ни бросят:
А не слышал себе спасибо никогда.
Не даром, право, свет поносят:
В нем справедливости не вижу я никак». —
«Молчи!» сказал ему Червяк:
«Сей дождик, как его ни кратко было время,
Лишенную засухой сил
Обильно ниву напоил,
И земледельца он надежду оживил,
А ты на ниве сей пустое только бремя».

Так хвалится иной, что служит сорок лет:
А проку в нем, как в этом Камне, нет

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой.
«Смотри-ка», говорит: «кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А ведь признайся, есть

Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть» —
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч наруку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

РЫЦАРЬ

Какой-то рыцарь встарину,
Задумавши искать великих приключений,
Собрался на войну
Противу колдунов и против привидений;
Вздел латы и велел к крыльцу подвезть коня.
Но прежде, нежели в седло садиться,
Он долгом счел к коню с сей речью обратиться:
«Послушай, ретивой и верный конь, меня:
Ступай через поля, чрез горы, чрез дубравы,
Куда глаза твои глядят,
Как рыцарски законы нам велят,
И путь отыскивай в храм славы!
Когда ж Карачунóв я злобных усмирю,
В супружество княжну китайскую добуду,
И царства два-три покорю, —
Тогда трудов твоих, мой друг, я не забуду:
С тобой всю славу разделю:
Конюшню, как дворец огромный,
Построить для тебя велю,
А летом отведу луга тебе поёмны;
Теперь знаком ты мало и с овсом,
Тогда ж пойдет у нас обилие во всем:
Ячмень твой будет корм, сыта медова — пойло».

Тут Рыцарь прыг в седло и бросил поводя,
А лошадь молодца, не ездя никуда,
Прямехонько примчала в стойло.

ЛЕВ И ВОЛК

Лев убирал за завтраком ягненка;
А собачонка,
Вертясь вокруг царского стола,
У Льва из-под когтей кусочек урвала;
И Царь зверей то снес, не огорчась нимало:
Она глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Лев, конечно, не силен,
Коль так смирен:
И лапу протянул к ягненку также он.
Ан вышло с Волком худо:
Он сам ко Льву попал на блюдо.
Лев растерзал его, примолвя так: «Дружок,
Напрасно, смóтря на собачку,
Ты вздумал, что тебе я также дам потачку:
Она еще глупа, а ты уж не щенок!»

КЛЕВЕТНИК И ЗМЕЯ

Напрасно про бесов болтают,
Что справедливости совсем они не знают,
А правду тож они нередко наблюдают:
Я и пример тому здесь приведу.
По случаю какому-то в аду
Змея с Клеветником в торжественном ходу
Друг другу первенства оставить не хотели
И зашумели,
Кому из них итти приличней наперед?
А в аде первенство, известно, тот берет,
Кто ближнему наделал больше бед.
Так в споре сем и жарком и не малом
Перед Змеею Клеветник
Свой выставлял язык,

Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть» —
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч наруку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

РЫЦАРЬ

Какой-то рыцарь встарину,
Задумавши искать великих приключений,
Собрался на войну
Противу колдунов и против привидений;
Вздел латы и велел к крыльцу подвезть коня.
Но прежде, нежели в седло садиться,
Он долгом счел к коню с сей речью обратиться:
«Послушай, ретивой и верный конь, меня:
Ступай через поля, чрез горы, чрез дубравы,
Куда глаза твои глядят,
Как рыцарски законы нам велят,
И путь отыскивай в храм славы!
Когда ж Карачунів я злобных усмирю,
В супружество княжну китайскую добуду,
И царства два-три покорю, —
Тогда трудов твоих, мой друг, я не забуду;
С тобой всю славу разделю:
Конюшню, как дворец огромный,
Построить для тебя велю,
А летом отведу луга тебе поёмны;
Теперь знаком ты мало и с овсом,
Тогда ж пойдет у нас обилие во всем:
Ячмень твой будет корм, сыта медова — пойло».

Тут Рыцарь прыг в седло и бросил поводя,
А лошадь молодца, не ездя никуда,
Прямехонько примчала в стойло.

ЛЕВ И ВОЛК

Лев убирал за завтраком ягненка;
А собачонка,
Вертясь вокруг царского стола,
У Льва из-под когтей кусочек урвала;
И Царь зверей то снес, не огорчась нимало:
Она глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли Волку вспало.
Что Лев, конечно, не силен,
Коль так смирен:
И лапу протянул к ягненку также он.
Ан вышло с Волком худо:
Он сам ко Льву попал на блюдо.
Лев растерзал его, примолвя так: «Дружок,
Напрасно, смотря на собачку,
Ты вздумал, что тебе я также дам потачку:
Она еще глупа, а ты уж не щенок!»

КЛЕВЕТНИК И ЗМЕЯ

Напрасно про бесов болтают,
Что справедливости совсем они не знают,
А правду тож они нередко наблюдают:
Я и пример тому здесь приведу.
По случаю какому-то в аду
Змея с Клеветником в торжественном ходу
Друг другу первенства оставить не хотели
И зашумели,
Кому из них итти приличней наперед?
А в аде первенство, известно, тот берет,
Кто ближнему наделал больше бед.
Так в споре сем и жарком и не малом
Перед Змеею Клеветник
Свой выставлял язык,

А перед ним Змея своим хвалилась жалом;
Шипела, что нельзя обиды ей снести,

И силилась его переползти.
Вот Клеветник, было, за ней уж очутился;

Но Вельзевул не потерпел того:

Он сам, спасибо, за него

Вступился

И осадил назад Змею,
Сказав: «Хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правде отдаю:

Ты зла, — твое смертельно жало;

Опасна ты, когда близка;

Кусает без вины (и то немало!),
Но можешь ли язвить ты так издалика,

Как злой язык Клеветника.
От коего нельзя спастись ни за горами,

Ни за морями?

Так, стало, он тебя вредней:
Ползи же ты за ним и будь вперед смирней». —
С тех пор клеветники в аду почетней змей.

НАПРАСЛИНА

Как часто, что-нибудь мы сделавши худого,
Кладем вину в том на другого,

И как нередко говорят:

«Когда б не он, и в ум бы мне не впало!»

А ежели людей не стало,

Так уж лукавый виноват,

Хоть тут его совсем и не бывало.

Примеров тьма тому. Вот вам из них один:
В Восточной стороне какой-то был Брамин,

Хоть на словах и теплой веры,

Но не таков своим житьем

(Есть и в Браминах лицемеры);

Да это в сторону, а дело только в том,

Что в братстве он своим

Один был правила такого,

Другие ж все житья святого,

И, что всего ему тошней,

Начальник их был нраву прекрутого:
Так преступить никак устава ты не смей.

Однако ж мой Брамин не унывает.

Вот постный день, а он смекает,

Нельзя ли разрешить на сырное тайком?

Достал яйцо, полуночи дождался,

И, свечку вздувши с огоньком,

На свечке печь яйцо принялся;

Ворочает его легонько у огня,

Не сводит глаз долой и мысленно глотает,

А про начальника, смеясь, рассуждает:

«Не уличишь же ты меня,

Длиннобородый мой приятель

Яичко съем-таки я всласть».

Ан тут тихонько шасть

К Брамину в келью надзиратель,

И, видя грех такой,

Ответу требует он грозно.

Улика налицо, и запирается поздно!

«Прости, отец святой,

Прости мое ты прегрешенье!»

Так взмолился Брамин сквозь слез:

«И сам не знаю я, как впал во искушение;

Ах, наустил меня проклятый бес!»

А тут бесенок, из-за печки,

«Не стыдно ли», кричит: «всегда клепать на нас!

Я сам лишь у тебя учился сей же час,

И, право, вижу в первый раз,

Как яича пекут на свечке».

КУКУШКА И ГОРЛИНКА

Кукушка на суку печально куковала.

«Что, кумушка, ты так грустна?»

Ей с ветки ласково Голубка ворковала:

«Или о том, что миновала

У нас весна,

И с ней любовь, спустилось солнце ниже,

И что к зиме мы стали ближе?» —

«Как, бедной, мне не горевать?»

Кукушка говорит: «будь ты сама судьбою:
Любила счастливо я нынешней весною,
И, наконец, я стала мать;

Но дети не хотят совсем меня и знать:
Такой ли чаяла от них я платы!
И не завидно ли, когда я погляжу,
Как увиваются вокруг матери утяти,
Как сыплют к курице дождем по зву цыпляты:
А я, как сирота, одним-одна сижу,
И что есть детская приветливость — не знаю». —

«Бедняжка! о тебе сердечно я страдаю;
Меня бы нелюбовь детей могла убить,
Хотя пример такой не редок;
Скажи ж — так, стало, ты уж вывела и деток?

Когда же ты гнездо успела свить?
Я этого и не видала:
Ты всё порхала да летала». —
«Вот вздор, чтоб столько красных дней
В гнезде я, сидя, растеряла:
Уж это было бы всего глупей!
Я яйца всегда в чужие гнезды клала». —
«Какой же хочешь ты и ласки от детей?»
Ей Горлинка на то сказала.

Отцы и матери! вам басни сей урок.
Я рассказал ее не детям в извиненье:
К родителям в них непочтение
И нелюбовь — всегда порок,
Но если выросли они в разлуке с вами,
И вы их вверили наемничьим рукам:
Не вы ли виноваты сами,
Что в старости от них утех мало вам?

СКУПОЙ И КУРИЦА

Скупой теряет всё, желая всё достать.
Чтоб долго мне примеров не искать,
Хоть есть и много их, я в том уверен;
Да рыться лень: так я намерен
Вам басню старую сказать.

Вот что в ребячестве читал я про Скупого.
Был человек, который никакого
Не знал ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнели очевидно.
Он Курицу имел (как это не завидно!),
Котора яйца несла,
Но не простые,
А золотые.

Иной бы и тому был рад,
Что понемногу он становится богат;
Но этого Скупому мало,
Ему на мысли вспало,
Что, взрезав Курицу, он в ней достанет клад.
И так, забыв ее к себе благодеянье,
Неблагодарности не побоясь греха,
Ее зарезал он. И что же? В воздаянье
Он вынул из нее простые потроха.

ДВЕ БОЧКИ

Две Бочки ехали; одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая — себе без шуму и шажком
Плетётся,
Другая вскачь несётся;
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жметесь,
Ее заслышавши издалека.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку,
Кто делов истинно, — тих часто на словах.
Беликий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепко думу
Без шуму.

ОХОТНИК

Как часто говорят в делах: еще успею.

Но надобно признаться в том,
Что это говорят, спросяся не с умом,
А с леностью своею.

Итак, коль дело есть, скорей его кончай,
Иль после на себя ропщи, не на случай,
Когда оно тебя застанет невзначай.
На это басню вам скажу я, как умею.

Охотник, взяв ружье, патронницу, суму
И друга верного по нраву и обычу,
Тектора, — в лес пошел за дичью,
Не зарядя ружья, хоть был совет ему,
Чтоб зарядил ружье он дома.
«Вот вздор!» он говорит: «дорога мне знакома,
На ней ни воробья не видел я родясь;

До места ж ходу целый час,
Так зарядить еще успею я сто раз».
Но что ж? Лишь вон из жила
(Как будто бы над ним Фортуна подшутила),
По озерку

Гуляют утки целым стадом;
И нашему б тогда Стрелку
Легко с полдюжины одним зарядом
Убить,

И на неделю с хлебом быть,
Когда б не отложил ружья он зарядить.
Теперь к заряду он скорее; только утки.
На это чутки:

Пока с ружьем возился он,
Они вскричали, встрепенулись,
Взвились и — за леса веревкой потянулись.
А там из виду скрылись вон.

Напрасно по лесу Стрелок потом таскался,
Ни даже воробей ему не попадался;
А тут к беде еще беда:

Случись тогда
Ненастье.

И так Охотник мой,
Измокши весь, пришел домой
С пустой сумой;
А все-таки пенял не на себя, на счастье.

МАЛЬЧИК И ЗМЕЯ

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватил Змею и, вбззрившись, от страха
Стал бледен, как его рубаха.
Змея, на Мальчика спокойно посмотря,
«Послушай», говорит: «коль ты умней не будешь,
То дерзость не всегда легко тебе пройдет
На сей раз бог простит; но берегись вперед
И знай, с кем шутишь!»

ОСЕЛ И МУЖИК

Мужик на лето в огород
Наняв Осла, приставил
Ворон и воробьев гонять, нахальный род.
Осел был самых честных правил:
Ни с хищностью, ни с кражей незнаком:
Не поживился он хозяйским ни листком,
И птицам, грех сказать, чтобы давал потачку;
Но Мужику барыш был с огорода плох.
Осел, гоняя птиц со всех ослиных ног,
По всем грядам и вдоль и поперек,
Таковую поднял скачку,
Что в огороде всё примял и притоптал.
Увидя тут, что труд его пропал,
Крестьянин на спине ослиной
Убыток выместил дубиной.
«И ништо!» все кричат: «скотине поделом!
С его ль умом
За это дело браться?»

А я скажу, не с тем, чтоб за Осла вступаться;
Он, точно, виноват (с ним сделан и расчет),
Но, кажется, не прав и тот,
Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
За то на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот кой как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
Кость вытащил и стал за труд просить:
«Ты шутишь!» зверь вскричал коварный:
«Тебе за труд? Ах, ты, неблагодарный!»
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

ПЧЕЛА И МУХИ

Две Мухи собрались лететь в чужие края
И стали подзывать с собой туда Пчелу:
Им насажали попугай
О дальних сторонах большую похвалу.
Притом же им самим казалось обидно,
Что их, на родине своей,
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (как людям то не стыдно,
И что они за чудаки!);
Чтоб поживиться им не дать сластями

За пышными столами,
Придумали от них стеклянные колпаки;
А в хижинах на них злодеи пауки.
«Путь добрый вам», Пчела на это отвечала:

«А мне
И на моей приятно стороне.
От всех за соты я любовь себе сыскала —
От поселян и до вельмож.
Но вы летите,
Куда хотите!
Везде вам будет счастье то ж:
Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны.
А рады пауки лишь будет вам
И там».

Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишен,
Чужая сторона тому всегда приятна.
Не бывши гражданин, там мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна.

МУРАВЕИ

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верной)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:
Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался
И даже хаживал один на паука.
А тем вошел в такую славу
Он в муравейнике своем,
Что только и речей там было, что о нем.
Я лишние хвалы считаю за отраву.
Но этот Муравей был не такого нраву:
Он их любил,

Своим их чванством мерил
И всем им верил;
А имп, наконец, так голову набил,
Что вздумал в город показаться,
Чтоб силой там повеличаться.
На самый крупный с сеном воз
Он к мужику спесиво всполз
И въехал в город очень пышно;
Но, ах, какой для гордости удар!
Он думал, на него сбежится весь базар,
Как на пожар;

А про него совсем не слышно:
У всякого забота там своя.
Мой Муравей то, взяв листок, потянет,
То припадет он, то привстанет:
Никто не видит Муравья.
Уставши, наконец, тянуться, выправляться,
С досадою Барбосу он сказал,
Который у воза хозяйского лежал:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что в городе у вас
Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает,
Как ни тянусь я целый час;
А, кажется, у нас
Меня весь муравейник знает».
И со стыдом отправился домой.

Так думает иной
Затейник,
Что он в подсолнечной гремит,
А он — дивит
Свой только муравейник.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума-Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись;
А кисти сочные, как яхонты горят;

Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.

Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».

МЕДВЕДЬ В СЕТЯХ

Медведь

Попался в сеть.
Над смертью издали шути как хочешь смело:
Но смерть вблизи — совсем другое дело.
Не хочется Медведю умереть.
Не отказался бы мой Мишка и от драки,
Да весь опутан сетью он,
А на него со всех сторон
Рогагины, и ружья, и собаки:
Так драка не по нем.
Вот хочет Мишка взять умом
И говорит ловцу: «Мой друг, какой виною
Я проступился пред тобою?
За что моей ты хочешь головы?
Иль веришь клеветам напрасным на медведей.
Что злы они? Ах, мы совсем не таковы!
Я, например, пошлюсь на всех соседей,
Что изо всех зверей мне только одному
Никто не сделает упрека,
Чтоб мертвого я тронул человека». —
«То правда», отвечал на то ловец ему:
«Хвалю к усопшим я почтение такое;
Зато, где случай ты имел,
Живой уж от тебя не вырывался цел
Так лучше бы ты мертвых ел
И оставлял живых в покое».

ПОХОРОНЫ

В Египте в старину велось обыкновенье,
Когда кого хотят пышнее хоронить.
Наемных плакальщиц пускать за гробом выть.
Вот некогда на знатном погребенье,

Толпа сих плакальщиц, поднявши вой,
Покойника от жизни скоротечной

В дом провожала вечной
На упокой.

Тут странник, думая, что в горести сердечной
То рвется вся покойника родня,

«Скажите», говорит: «не рады ли б вы были,
Когда б его вам воскресили?»

Я Маг; на это есть возможность у меня:
Мы заклинания с собой такие носим —

Покойник оживет сейчас». —

«Отец!» вскричали все: «обрадуй бедных нас!

Одной лишь милости притом мы просим,

Чтоб суток через пять

Он умер бы опять.

В живом в нем не было здесь проку никакова,

Да вряд ли будет и вперед;

А как умрет,

То выть по нем наймут нас, верно, снова».

Есть много богачей, которых смерть одна

К чему-нибудь годна

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,

Их прибыльно сбывает с рук

(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),

Медведь задумал жить такими же трудами.

Пошел по лесу треск и стук,

И слышно за версту проказу

Орешника, березника и вязу

Мой Мишка погубил несметное число,

А не дается ремесло.

Вот идет к мужику он попросить совета

И говорит: «Сосед, что за причина эта?

Деревья-таки я ломать могу,

А не согнул ни одного в дугу.

Скажи, в чем есть тут главное уменье?» —

«В том», отвечал сосед:

«Чего в тебе, кум, вовсе нет:

В терпенье».

ЯГНЕНОК

Как часто я слыхал такое рассужденье:

«По мне пускай что хочешь говорят,
Лишь был бы я в душе не виноват!»

Нет; надобно еще уменье,

Коль хочешь в людях ты себя не погубить

И доброю наружностью сохранить.

Красавицы! вам знать всего нужнее,

Что слава добрая вам лучше всех прикрас

И что она у вас

Весеннего цветка нежнее.

Как часто и душа и совесть в вас чиста,

Но лишний взгляд, словцо, одна неосторожность,

Язвить злословью вас дает возможность —

И ваша слава уж не та.

Ужели не глядеть? Ужели не улыбаться:

Не то я говорю; но только всякой шаг

Вы свой должны обдумать так,

Чтоб было не к чему злословью и придаться.

Анюточка, мой друг!

Я для тебя и для твоих подруг

Придумал басенку. Пока еще ребенком,

Ты вытверди ее; не ныне, так вперед

С нее сберешь ты плод.

Послушай, что случилось с Ягненком.

Поставь свою ты куклу в уголок:

Рассказ мой будет короток.

Ягненок сдуру,

Надевши волчью шкуру,

Пошел по саду в ней гулять:
Ягненок лишь хотел пошеголять;
Но псы, увидевши повесу,
Подумали, что волк пришел из лесу,
Вскочили, кинулись к нему, свалили с ног
И, прежде нежели опомниться он мог,
Чуть по клочкам его не расхватили.
По счастью, пастухи, узнав, его отбили,
Но побывать у псов не шутка на зубах:
Бедняжка от такой тревоги
Насилу доволоч в овчарню ноги;
А там он стал хиреть, потом совсем зачах
И простонал весь век свой безумолка.
А если бы Ягненок был умен,
И мысли бы боялся он
Похожим быть на волка.

С О В Е Т М Ы Ш Е Й

Когда-то вздумалось Мышам себя прославить
И, несмотря на кошек и котов,
Свести с ума всех ключниц, поваров,
И славу о своих делах трубить заставить
От погребов до чердаков;
А для того Совет назначено составить,
В котором заседать лишь тем, у коих хвост
Длиной во весь их рост:
Примета у Мышей, что тот, чей хвост длиннее,
Всегда умнее
И расторопнее везде.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будем;
Притом же об уме мы сами часто судим
По платю иль по бороде.
Лишь нужно знать, что с общего сужденья
Всё длиннохвостых брать назначено в Совет,
У коих же хвоста, к несчастью, нет,
Хотя б лишились их они среди сраженья,
Но так как это знак иль неуменья,
Иль нераденья,
Таких в Совет не принимать,

Чтоб из-за них своих хвостов не растерять.
Всё дело слажено; повешено собрание,
Как ночь настанет на дворе;
И, наконец, в мучном ларе
Открыто заседание.
Но лишь позаняли места,
Ан, глядь, сидит тут крыса без хвоста.
Приметя то, седую Мышь толкает
Мышонок молодой
И говорит: «Какой судьбой
Бесхвостая здесь с нами заседает?
И где же делся наш закон?
Дай голос, чтоб ее скорее выслать вон.
Ты знаешь, как народ бесхвостых наш не любит;
И можно ль, чтоб она полезна нам была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только нас, подполицу всю стугбит»
А Мышь в ответ: «Молчи! всё знаю я сама;
Да эта крыса мне кума».

М Е Л Ь Н И К

У мельника вода плотину прососала;
Беда б не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельник мой не думает тужить;
А течь день-ото-дня сильнее становится:
Вода так бьет, как из ведра.
«Эй, Мельник, не зевай! Пора,
Пора тебе за ум хватиться!»
А Мельник говорит: «Далеко до беды,
Не море надо мне воды,
И ею мельница по весь мой век богата».
Он спит, а между тем
Вода бежит, как из ушата.
И вот беда пришла совсем:
Стал жернов, мельница не служит.
Хватился Мельник мой; и охает, и тужит.
И думает, как воду уберечь.
Вот у плотины он, осматривая течь,

Увидел, что к реке пришли напиться куры.
«Негодные!» кричит: «хохлатки, дуры!»
Я и без вас воды не знаю где достать;
А вы пришли. ее здесь вдосталь допивать». —
И в них поленом хватать.
Какое ж сделал тем себе подспорье?
Без кур и без воды пошел в свое подворье.

Видал я иногда,
Что есть такие господа
(И эта басенка им сделана в подарок),
Которым тысячей не жаль на вздор сорить,
А думают хозяйству подспорить,
Коль свечки сберегут огарок,
И рады за него с людьми поднять содом.
С такою бережью диковинка ль, что дом
Скорешенько пойдет вверх дном?

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

Когда почтен быть хочешь у людей, —
С разбором заводи знакомства и друзей!

Мужик с Змеею подружился.
Известно, что Змея умна:
Так вкралась к Мужику она,
Что ею только он и клялся и божился.
С тех пор все прежние приятели, родня,
Никто к нему ногой не побывает.
«Помилуйте», Мужик пеняет:
«За что вы все покинули меня!
Иль угостить жена вас не умела?
Или хлеб-соль моя вам надоела?» —
«Нет, кум», Матвей сказал ему в ответ;
К тебе бы рады мы, сосед;
И никогда ты нас (об этом слова нет)
Не огорчил ничем, ни опечалил,
Но что за радость, рассуди,
Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой друг кого, подползши, не ужалил?»

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась жолудей до-сыта, до-отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала:
«Ведь это дереву вредит»,
Ей с Дубу ворон говорит:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть может». —
«Пусть сохнет», говорит Свинья:
«Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б жолуди: ведь я от них жирею». —
«Неблагодарная!» примолвил Дуб ей тут:
«Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жолуди на мне растут».

Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

ПАУК И ПЧЕЛА

По мне таланты те негодны,
В которых Свету пользы нет,
Хоть иногда им и дивится Свет.

Купец на ярмарку привез полотна;
Они такой товар, что надобно для всех.
Купцу на торг пожаловаться грех:
Покупщиков отбою нет; у лавки
Доходит иногда до давки.
Увидя, что товар так ходко идет с рук,
Завистливый Паук

Увидел, что к реке пришли напиться куры.
«Негодные!» кричит: «хохлатки, дуры!»
Я и без вас воды не знаю где достать;
А вы пришли. ее здесь вдосталь допивать». —
И в них поленом хватать.
Какое ж сделал тем себе подспорье?
Без кур и без воды пошел в свое подворье.

Видал я иногда,
Что есть такие господа
(И эта басенка им сделана в подарок),
Которым тысячей не жаль на вздор сорить,
А думают хозяйству подспорить,
Коль свечки сберегут огарок,
И рады за него с людьми поднять содом.
С такою бережью диковинка ль, что дом
Скорешенько пойдет вверх дном?

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

Когда почтен быть хочешь у людей, —
С разбором заводи знакомства и друзей!

Мужик с Змеею подружился.
Известно, что Змея умна:
Так вкралась к Мужику она,
Что ею только он и клялся и божился.
С тех пор все прежние приятели, родня,
Никто к нему ногой не побывает.
«Помилуйте», Мужик пеняет:
«За что вы все покинули меня!
Иль угостить жена вас не умела?
Или хлеб-соль моя вам надоела?» —
«Нет, кум», Матвей сказал ему в ответ;
К тебе бы рады мы, сосед;
И никогда ты нас (об этом слова нет)
Не огорчил ничем, ни опечалил,
Но что за радость, рассуди,
Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой друг кого, подползши, не ужалил?»

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась жолудей до-сыта, до-отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит»,
Ей с Дубу ворон говорит:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть может». —
«Пусть сохнет», говорит Свинья:
«Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б жолуди: ведь я от них жирею». —
«Неблагодарная!» примолвил Дуб ей тут:
«Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жолуди на мне растут».

Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

ПАУК И ПЧЕЛА

По мне таланты те негодны,
В которых Свету пользы нет,
Хоть иногда им и дивится Свет.

Купец на ярмарку привез полотна;
Они такой товар, что надобно для всех.
Купцу на торг пожаловаться грех:
Покупщиков отбою нет; у лавки
Доходит иногда до давки.
Увидя, что товар так ходко идет с рук,
Завистливый Паук

Увидел, что к реке пришли напиться куры.
«Негодные!» кричит: «хохлатки, дуры!»
Я и без вас воды не знаю где достать;
А вы пришли, ее здесь вдосталь допивать.
И в них поленом хватать.
Какое ж сделал тем себе подспорье?
Без кур и без воды пошел в свое подворье.

Видал я иногда,
Что есть такие господа
(И эта басенка им сделана в подарок),
Которым тысячей не жаль на вздор сорить,
А думают хозяйству подспорить,
Коль свечки сберегут огарок,
И рады за него с людьми поднять содом.
С такою бережью диковинка ль, что дом
Скорешенько пойдет вверх дном?

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

Когда почтен быть хочешь у людей, —
С разбором заводи знакомства и друзей!

Мужик с Змеею подружился.
Известно, что Змея умна:
Так вкралась к Мужику она,
Что ею только он и клялся и божился.
С тех пор все прежние приятели, родня,
Никто к нему ногой не побывает.
«Помилуйте», Мужик пеняет:
«За что вы все покинули меня!
Иль угостить жена вас не умела?
Или хлеб-соль моя вам надоела?» —
«Нет, кум», Матвей сказал ему в ответ;
К тебе бы рады мы, сосед;
И никогда ты нас (об этом слова нет)
Не огорчил ничем, ни опечалил.
Но что за радость, рассуди,
Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой друг кого, подползши, не ужалил?»

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась жолудей до-сыта, до-отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит»,
Ей с Дубу ворон говорит:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть может». —
«Пусть сохнет», говорит Свинья:
«Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б жолуди: ведь я от них жирею». —
«Неблагодарная!» примолвил Дуб ей тут:
«Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жолуди на мне растут».

Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

ПАУК И ПЧЕЛА

По мне таланты те негодны,
В которых Свету пользы нет,
Хоть иногда им и дивится Свет.

Купец на ярмарку привез полотна;
Они такой товар, что надобно для всех.
Купцу на торг пожаловаться грех:
Покупщиков отбою нет; у лавки
Доходит иногда до давки.
Увидя, что товар так ходко идет с рук,
Завистливый Паук

На барыши купца прельстился:
Задумал на продажу ткать,
Купца затеял подорвать
И лавочку открыть в окошке сам решился.
Основу основал, проткал насквозь всю ночь,
Поставил свой товар на-диво,
Засел, надувшись, спесиво,
От лавки не отходит прочь
И думает: лишь только день настанет,
То всех покупателей к себе он переманит.
Вот день настал: но что ж? Проказника метлой
Смели и с лавочкой долой.
Паук мой бесится с досады.
«Вот», говорит: «жди праведной награды!
На весь я свет пошлюсь, чье тонее тканье:
Купцово или мое?» —
«Твое: кто в этом спорить смеет?»
Пчела отвечает: «известно то давно;
Да что в нем проку, коль оно
Не одевает и не греет?»

КРЕСТЬЯНИН И ОВЦА

Крестьянин позвал в суд Овцу;
Он уголовное взвел на бедняжку дело;
Судья — Лиса: оно в минуту закипело.
Запрос ответчику, запрос истцу,
Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
Как было дело; в чем улика?
Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
Полутру, у меня двух кур не досчитались:
От них лишь косточки да перышки остались;
А на дворе одна Овца была».
Овца же говорит: она всю ночь спала,
И всех соседей в том в свидетели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверх того она совсем не ест мясного.
И приговор Лисы вот, от слова до слова:

«Не принимать никак резонов от Овцы:
Понеже хоронить концы
Все плуты, ведомо, искусны;
По справке ж явствует, что в сказанную ночь —
Овца от кур не отлучалась прочь,
А куры очень вкусны,
И случай был удобен ей;
То я сужу, по совести моей:
Нельзя, чтоб утерпела
И кур она не съела;
И вследствие того казнить Овцу,
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

БОГАЧ И ПОЭТ

С великим Богачом Поэт затеял суд,
И Зевса умолял он за себя вступиться.
Обоим велено на суд явиться.
Пришли: один и тощ, и худ,
Едва одет, едва обут;
Другой весь в золоте и спесью весь раздут.
«Умилосердися, Олимпа самодержец!
Тучегонитель, громовержец!»
Кричит Поэт: «чем я виновен пред тобой,
Что с юности терплю Фортуны злой гоненье?
Ни ложки, ни угла: и всё мое именье
В одном воображенье;
Меж тем когда соперник мой,
Без выслуг, без ума, равно с твоим кумиром,
В палатах окружен поклонников толпой,
От роскоши и неги заплыл жиром». —
«А это разве ничего,
Что в поздний век твоей достигнут лиры звуки?»
Юпитер отвечал: «А про него
Не только правнуки, не будут помнить внуки.
Не сам ли славу ты в удел себе избрал?
Ему ж в пожизненность я блага мира дал.
Но верь, коль вещи бы он боле понимал,
И если бы с его умом была возможность
Почувствовать свою перед тобой ничтожность, —
Он более б тебя на жребий свой роптал».

ДВА МУЖИКА

«Здорово, кум Фаддей!» — «Здорово, кум Егор!» —

«Ну, каково, приятель, поживаешь?» —

«Ох, кум, беды моей, что вижу ты не знаешь!

Бог посетил меня: я сжег дотла свой двор

И по-миру пошел с тех пор». —

«Как так? Плохая, кум, игрушка!» —

«Да так! О Рождестве была у нас пирушка;

Я со свечой пошел дать корму лошадям:

Признаться, в голове шумело;

Я как-то заронил, насилу спасся сам;

А двор и всё добро сгорело.

Ну, ты как?» — «Ох, Фаддей, худое дело!

И на меня прогневался, знать, бог:

Ты видишь, я без ног;

Как сам остался жив, считаю, право, дивом.

Я тож о Рождестве пошел в ледник за пивом,

И тоже чересчур, признаться, я хлебнул

С друзьями полугару;

А чтоб в хмелю не сделать мне пожару,

Так я свечу совсем задул:

Ан, бес меня впотьмах так с лестницы толкнул,

Что сделал из меня совсем не человека,

И вот я с той поры калека». —

«Пеняйте на себя, друзья!»

Сказал им сват Степан: «Коль молвить правду, я

Совсем не чту за чудо,

Что ты сожг свой двор, а ты на костылях:

Для пьяного и со свечою худо;

Да вряд не хуже ль и впотьмах».

КОШКА И СОЛОВЕЙ

Поймала кошка Соловья,

В бедняжку когти запустила

И, ласково его сжимая, говорила:

«Соловушка, душа моя!

Я слышу, что тебя везде за песни славят

И с лучшими певцами рядом ставят.

Мне говорит Лиса-кума,
Что голос у тебя так звонок и чудесен,

Что от твоих прелестных песен

Все пастухи, пастушки — без ума.

Хотела б очень я, сама,

Тебя послушать.

Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям;

Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.

Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам

И отпущу гулять по рощам и лесам.

В любви я к музыке тебе не уступаю

И часто, про себя мурлыча, засыпаю».

Меж тем мой бедный Соловей

Едва-едва дышал в когтях у ней.

«Ну, что же?» продолжает Кошка:

«Пропой, дружок, хотя немножко».

Но наш певец не пел, а только что пищал.

«Так этим-то леса ты восхищал!»

С насмешкою она спросила:

«Где ж эта чистота и сила,

О коих все безумолку твердят?

Мне скучен писк такой и от моих котят.

Нет, вижу, что в пеньё ты вовсе не искусен.

Всё без начала, без конца,

Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!»

И съела бедного певца —

До крошки.

Сказать ли на ушко, яснее, мысль мою?

Худые песни Соловью

В когтях у Кошки.

РЫБЬЯ ПЛЯСКА

От жалоб на судей,

На сильных и на богачей

Лев, вышед из терпенья,

Пустился сам свои осматривать владенья.

Он идет, а Мужик, расклавши огонек,

Наудя рыб, изжарить их собирался.

Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкий свой конец, метался.
На Мужика разинув зев,
«Кто ты? что делаешь?» спросил сердито Лев.
«Всесильный царь!» сказал Мужик, оторопев,
«Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом». —
«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?» —
«Великий государь! Здесь не житье им — рай.
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились». —
(А рыбы между тем на сковородке бились.)
«Да отчего же», Лев спросил: «скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?» —
«О, мудрый царь!» Мужик отвечивал: «оне
От радости, тебя увидя, пляшут». —
Тут, старосту лизнув Лев милостливо в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

ПРИХОЖАНИН

Есть люди: будь лишь им приятель,
То первый ты у них и гений, и писатель,
Зато уже другой,
Как хочешь сладко пой,
Не только, чтоб от них похвал себе дожидаться,
В нем красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, может быть, я тем немного досажу,
Но вместо басни был бы на это им скажу.

Во храме проповедник
(Он в красноречии Платона был наследник)
Прихожан поучал на добрые дела.
Речь сладкая, как мед, из уст его текла.
В ней правда чистая, казалось, без искусства.
Как цепью золотой,
Возьмая к небесам все помыслы и чувства,

Сей обличала мир, исполненный тщетой.
Душ пастырь кончил поученье:
Но всяк ему еще внимал и, до небес
Восхитенный, в сердечном умиленье
Не чувствовал своих текущих слез.
Когда ж из божьего миряне вышли дому,
«Какой приятный дар!»
Из слушателей тут сказал один другому:
«Какая сладость, жар!»
Как сильно он влечет к добру сердца народа!
А у тебя, сосед, знать, черствая природа,
Что на тебе слезинки не видать?
Иль ты не понимал?» — «Ну, как не понимать!
Да плакать мне какая статья:
Ведь я не здешнего прихода».

ПЕСТРЫЕ ОВЦЫ

Лев пестрых не взлюбил овец.
Их просто бы ему перевести нетрудно;
Но это было бы неправосудно —
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
А видеть пеструю овцу терпенья нет!
Как сбыть их и сберечь свою на свете славу?
И вот к себе зовет
Медведя он с Лисою на совет —
И им за тайну открывает,
Что, видя пеструю овцу, он всякий раз
Глазами целый день страдает,
И что придет ему совсем лишиться глаз,
И, как такой беде помочь, совсем не знает.
«Всесильный Лев!» — сказал, насупясь, Медведь: —
«На что тут много разговоров?
Вели без дальних сборов
Овец передушить. Кому о них жалеть?»
Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
Смирненно говорит: «О, царь! наш добрый царь!
Ты, верно, запретишь гнать эту бедну тварь —
И не прольешь невинной крови».

Осмелюсь я совет иной произнести —
Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток,
И где бы поскакать, побегать для ягняток;
А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
То прикажи овец волкам пасти.
Не знаю, как-то мне сдается,
Что род их сам собой переведется.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И что б ни сделалось, ты будешь в стороне». —
Лисицы мнение в совете силу взяло, —
И так удачно в ход пошло, что, наконец,
Не только пестрых там овец —
И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки? —
Что Лев бы и хорош, да все злодеи волки.

ШУКА

На Шуку подан в суд донос,
Что от нее житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи невдалеке собирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора,
Им придана была Лиса за Прокурора.
И слух между народа шел,
Что Шuka Лисыньке снабжала рыбный стол;
Со всем тем не было в судьях лицеприязни,
И то сказать, что Шукиных проказ
Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришло писать указ,
Чтоб виноватую предать позорной казни
И, в страх другим, повесить на суку.
«Почтенные судьи!» Лиса тут приступила:

«Повесить мало: я б ей казнь определила
Какой не видано у нас здесь на веку;
Чтоб было впредь плутам и страшно и опасно —
Так утопить ее в реке». — «Прекрасно!»
Кричат судьи. На том решили все согласно.
И Шуку бросили — в реку!

ОСЕЛ

Был у крестьянина Осел,
И так себя, казалось, смирно вел,
Что мужику нельзя им было нахвалиться;
А чтобы он в лесу пропасть не мог —
На шею прицепил мужик ему звонок:
Надулся мой Осел: стал важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, он слышал)
И думает, теперь большой он барин стал;
Но вышел новый чин Ослу, бедняжке, боком
(То может не одним Ослам служить уроком).
Сказать вам должно наперед:
В Осле не много чести было;
Но до звонка ему всё счастливо сходило:
Зайдет ли в рожь, в овес иль в огород, —
Наестся дóсыта и выйдет тихомолком.
Теперь пошло иным всё толком:
Куда ни сунется мой знатный господин,
Безумолку звенит на шее новый чин.
Глядят: хозяин, взяв дубину,
Гоняет то со ржи, то с гряд мою скотину;
А там сосед, в овсе услыша звук звонка,
Ослу колом ворочает бока
Ну, так, что бедный наш вельможа
До осени зачах,
И кости у Осла остались лишь да кожа.

И у людей в чинах
С плутами та ж беда: пока чин мал и беден,
То плут не так еще приметен,
Но важный чин на плуте, как звонок:
Звук от него и громок, и далек.

МИРОН

Жил в городе богач, по имени Мирон.
Я имя вставил здесь не с тем, чтоб стих наполнить;
Нет, этаких людей не худо имя помнить.

На богача кричат со всех сторон
Соседи; а едва ль соседи и не правы,
Что будто у него в шкатулке миллион —
А бедным никогда не даст копейки он.

Кому не хочется нажить хорошей славы?
Чтоб толком о себе другой дать оборот,
Мирон мой распустил в народ,
Что нищих впредь кормить он будет по субботам.
И подлинно, кто ни придет к воротам —

Они не заперты никак.

«Ахти!» подумают: «бедняжка разорился!»

Не бойтесь, скряга умудрился:
В субботу с цепи он спускает злых собак;
И нищему не то чтоб пить иль наедаться, —

Дай бог здоровому с двора убраться.
Меж тем Мирон пошел едва не во святых.
Все говорят: «Нельзя Мирону надивиться;
Жаль только, что собак таких он держит злых,

И трудно до него добиться:
А то, он рад последним поделиться»

Видать случалось часто мне,
Как доступ нелегко в высокие палаты;
Да только всё собаки виноваты —
Мироны ж сами в стороне.

ФИЛИН И ОСЕЛ

Слепой Осел в лесу с дороги сбился
(Он в дальний путь-было пустился).
Но к ночи в чашу так забрел мой сумасброд,
Что двинуться не мог ни взад он, ни вперед,
И зрячему бы тут не выйти из хлопот;
Но Филин вблизи, по счастью, случился

И взялся быть Ослу проводником.
Все знают, Филины как ночью зорки:
Стремнины, рвы, бугры, пригорки,
Всё это различал мой Филин, будто днем,
И к утру выбрался на ровный путь с Ослом.
Ну, как с проводником таким расстаться?
Вот просит Филина Осел, чтоб с ним остаться,
И вздумал изойти он с Филином весь свет.

Мой Филин господином
Уселся на хребте Ослином,
И стали путь держать; счастливо ль только? Нет:
Лишь солнце на небе поутру заиграло,
У Филина в глазах темнее ночи стало.

Однако ж Филин мой упрям;
Ослу советует и вкось и впрям —
«Остерегись!» кричит: «направо будем в луже».
Но лужи не было, а влево вышло хуже.
«Еще левей возьми, еще левее шаг!»
И — бух Осел, и с Филином, в овраг.

ЗМЕЯ

Змея Юпитера просила,
Чтоб голос дать ей соловья.
«А то уж», говорит: «мне жизнь моя постыла.
Куда ни покажуся я,
То все меня дичатся,
Кто послабей;

А кто меня сильнее,
Дай бог от тех живой убраться.
Нет, жизни этакой я более не снесу;
А если б соловьем запела я в лесу,
То, возбуждая удивление,
Снискала бы любовь и, может быть, почтение,
И стала бы душой веселых я бесед».
Исполнил Юпитер Змеи прошение;
Шипенья гнусного пропал у ней и след.
На дерево всползая, Змея на нем засела,
Прекрасным соловьем Змея моя запела,
И стая, было, птиц отсюду к ней подседала;

МИРОН

Жил в городе богач, по имени Мирон.
Я имя вставил здесь не с тем, чтоб стих наполнить;
Нет, этаких людей не худо имя помнить.

На богача кричат со всех сторон
Соседи; а едва ль соседи и не правы,
Что будто у него в шкатулке миллион —
А бедным никогда не даст копейки он.

Кому не хочется нажать хорошей славы?
Чтоб толком о себе другой дать оборот,
Мирон мой распустил в народ,
Что нищих впредь кормить он будет по субботам.
И подлинно, кто ни придет к воротам —
Они не заперты никак.

«Ахти!» подумают: «бедняжка разорился!»
Не бойтесь, скряга умудрился:

В субботу с цепи он спускает злых собак;
И нищему не то чтоб пить иль наедаться, —

Дай бог здоровому с двора убраться.
Меж тем Мирон пошел едва не во святых.
Все говорят: «Нельзя Мирону надивиться;
Жаль только, что собак таких он держит злых,
И трудно до него добиться:

А то, он рад последним поделиться»

Видать случалось часто мне,
Как доступ нелегок в высокие палаты;
Да только всё собаки виноваты —
Мироны ж сами в стороне.

ФИЛИН И ОСЕЛ

Слепой Осел в лесу с дороги сбился
(Он в дальний путь-было пустился).
Но к ночи в чащу так забрел мой сумасброд,
Что двинуться не мог ни взад он, ни вперед,
И зрячему бы тут не выйти из хлопот;
Но Филин вблизи, по счастью, случился

И взялся быть Ослу проводником.
Все знают, Филины как ночью зорки:
Стремнины, рвы, бугры, пригорки,
Всё это различал мой Филин, будто днем,
И к утру выбрался на ровный путь с Ослом.
Ну, как с проводником таким расстаться?
Вот просит Филина Осел, чтоб с ним остаться,
И вздумал изойти он с Филином весь свет.

Мой Филин господином
Уселся на хребте Ослином,
И стали путь держать; счастливо ль только? Нет:
Лишь солнце на небе поутру заиграло,
У Филина в глазах темнее ночи стало.
Однако ж Филин мой упрям;
Ослу советует и вкось и впрям —
«Остерегись!» кричит: «направо будем в луже».
Но лужи не было, а влево вышло хуже.
«Еще левей возьми, еще левее шаг!»
И — бух Осел, и с Филином, в овраг.

ЗМЕЯ

Змея Юпитера просила,
Чтоб голос дать ей соловья.
«А то уж», говорит: «мне жизнь моя постыла.
Куда ни покажуся я,
То все меня дичатся,
Кто послабей;
А кто меня сильнее,
Дай бог от тех живой убраться.
Нет, жизни этакой я более не снесу;
А если б соловьем запела я в лесу,
То, возбуждая удивленье,
Снискала бы любовь и, может быть, почтенье,
И стала бы душой веселых я бесед».
Исполнил Юпитер Змеи прошение;
Шипенья гнусного пропал у ней и след.
На дерево всползла, Змея на нем засела,
Прекрасным соловьем Змея моя запела,
И стоя, было, птиц отовсюду к ней подсела;

МИРОН

Жил в городе богач, по имени Мирон.
Я имя вставил здесь не с тем, чтоб стих наполнить;
Нет, этаких людей не худо имя помнить.

На богача кричат со всех сторон
Соседи; а едва ль соседи и не правы,
Что будто у него в шкатулке миллион —
А бедным никогда не даст копейки он.

Кому не хочется нажить хорошей славы?
Чтоб толком о себе другой дать оборот,
Мирон мой распустил в народ,
Что нищих впредь кормить он будет по субботам.
И подлинно, кто ни придет к воротам —
Они не заперты никак.

«Ахти!» подумают: «бедняжка разорился!»

Не бойтесь, скряга умудрился:
В субботу с цепи он спускает злых собак;
И нищему не то чтоб пить иль наедаться, —
Дай бог здоровому с двора убраться.

Меж тем Мирон пошел едва не во святых.
Все говорят: «Нельзя Мирону надивиться;
Жаль только, что собак таких он держит злых,
И трудно до него добиться:

А то, он рад последним поделиться»

Видать случалось часто мне,
Как доступ нелегок в высокие палаты;
Да только всё собаки виноваты —
Мироны ж сами в стороне.

ФИЛИН И ОСЕЛ

Слепой Осел в лесу с дороги сбился
(Он в дальний путь-было пустился).
Но к ночи в чащу так забрел мой сумасброд,
Что двинуться не мог ни взад он, ни вперед,
И зрячему бы тут не выйти из хлопот;
Но Филин вблизи, по счастью, случился

И взялся быть Ослу проводником.
Все знают, Филины как ночью зорки:
Стремнины, рвы, бугры, пригорки,
Всё это различал мой Филин, будто днем,
И к утру выбрался на ровный путь с Ослом.
Ну, как с проводником таким расстаться?
Вот просит Филина Осел, чтоб с ним остаться,
И вздумал изойти он с Филином весь свет.

Мой Филин господином
Уселся на хребте Ослином,
И стали путь держать; счастливо ль только? Нет:
Лишь солнце на небе поутру заиграло,
У Филина в глазах темнее ночи стало.
Однако ж Филин мой упрям;
Ослу советует и вкось и впрям —
«Остерегись!» кричит: «направо будем в луже».
Но лужи не было, а влево вышло хуже.
«Еще левей возьми, еще левее шаг!»
И — бух Осел, и с Филином, в овраг.

ЗМЕЯ

Змея Юпитера просила,
Чтоб голос дать ей соловья.
«А то уж», говорит: «мне жизнь моя постыла.
Куда ни покажусь я,
То все меня дичатся,
Кто послабей;
А кто меня сильнее,
Дай бог от тех живой убраться.
Нет, жизни этакой я более не снесу;
А если б соловьем запела я в лесу,
То, возбуждая удивленье,
Снискала бы любовь и, может быть, почтенье,
И стала бы душой веселых я бесед».
Исполнил Юпитер Змен прошение;
Шипенья гнусного пропал у ней и след.
На дерево всползая, Змея на нем засела,
Прекрасным соловьем Змея моя запела,
И стая, было, птиц отсюду к ней подсела;

Но, возряся в певца, все с дерева дождем
Кому понравится такой прием?
«Ужли вам голос мой противен?»
В досаде говорит Змея.
«Нет», отвечал скворец: «он звучен, дивен,
Поешь, конечно, ты не хуже соловья;
Но, признаюсь, в нас сердце задрожало,
Когда увидели твое мы жало:
Нам страшно вместе быть с тобой.
Итак, скажу тебе, не для досады:
Твоих мы песен слушать рады —
Да только ты от нас подале пой».

ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота
И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Всё это ведь за мной». — «Проси скорей Степана;
Мужик предобрый он», Кот-Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана». —
«Ну, попытайся ж у Демьяна». —
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унес козленка» —
«Беги ж, вон там живет Трофим». —
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним!
Он на меня с весны грозит за ягненка!» —
«Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!» —
«Ох, Вася, у него зарезал я теленка!» —
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил»,

Сказал тут Васька Волку:
«Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы, — сам себя вини:
Что ты посеял — то и жни».

БЕЛКА

В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хором,
Народ толпился.
На Белку в колесе зевал он и дивился.
Вблизи с березы ей дивился тоже Дрозд:
Так бегала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвост.
«Землячка старая», спросил тут Дрозд: «нельзя ли
Сказать, что делаешь ты здесь?» —
«Ох, милый друг! тружусь день весь:
Я по делам гошом у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни есть,
Ни даже духу перевести».
И Белка в колесе бежать пустилась снова.
«Да», улета, Дрозд сказал: «то ясно мне,
Что ты бежишь — а всё на том же ты окне».

Посмотришь на дельца иного:
Хлопочет, мечется, ему дивятся все:
Он, кажется, из кожи рвется,
Да только всё вперед не подается,
Как Белка в колесе.

ЛИСА

Зимой, ранехонько, близ жила,
Лиса у проруби пила в большой мороз.
Меж тем оплошность ли, судьба ль (не в этом сила),
Но — кончик хвостика Лисица замочила,

И ко льду он примерз.
Беда невелика, легко б ее поправить?
Рвануться только посильней
II волосков хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорей.
Да как испортить хвост? А хвост такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нет, лучше подождать — ведь спит еще народ;
А между тем авось и оттепель придет,
Так хвост от проруби оттает.
Вот ждет-пождет, а хвост лишь боле примерзает.
Глядит — и день светает,
Народ шевелится, и слышны голоса.
Тут бедная моя Лиса
Туда-сюда метаться;
Но уж от проруби не может оторваться.
По счастью, Волк бежит. — «Друг милый! кум! отец!»
Кричит Лиса: «спаси! Пришел совсем конец!»
Вот кум остановился —
И в спасенье Лисы вступился.
Прием его был очень прост:
Он начисто отгрыз ей хвост.
Тут, без хвоста, домой моя пустилась дура.
Уж рада, что на ней цела осталась шкура.

Мне кажется, что смысл не темен басни сей.
Шепотки волосков Лиса не пожалей —
Остался б хвост у ней.

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что, наконец,
Правительство зверей, благие меры взяло,
Вступиться в спасенье Овец, —
И учрежден Совет на сей конец.
Большая часть в нем, правда, были Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.

Видали и таких Волков, и много крат:
Примеры эти не забыты, —
Которые ходили близко стад
Смирнехонько — когда бывали сыты.
Так почему ж Волкам в Совете и не быть?
Хоть надобно Овец оборонить,
Но и Волков не вовсе ж притеснить.
Вот заседание в глухом лесу открыли;
Судили, думали, рядили
И, наконец, придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро Волк у стада забуянит
И обижать он Овцу станет:
То Волка тут властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот, и в суд тотчас представить,
В соседний лес иль в бор».
В законе нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видал: до этих пор —
Хоть говорят: Волкам и не спускают —
Что будь Овца ответчик иль истец,
А только Волки все-таки Овец
В леса таскают.

ЛЕВ И МЫШЬ

У льва просила Мышь смиренно позволения,
Поблизости его в дупле завести селенье,
И так примолвила: «Хотя-де здесь, в лесах,
Ты и могуч и славен;
Хоть в силе Льву никто не равен,
И рев один его на всех наводит страх,
Но будущее кто угадывать возьмется —
Как знать? кому в ком нужда доведется?
И как я ни мала кажусь,
А, может быть, подчас тебе и пригожусь». —
«Ты!» вскрикнул Лев: «ты, жалкое созданье!
За эти дерзкие слова
Ты стоишь смерти в наказанье.

Прочь, прочь отсель, пока жива —
Иль твоего не будет праху»
Тут Мышка бедная, не вспомнясь от страху,
Со всех пустилась пог — простыл ее и след.
Льву даром не прошла однако ж гордость эта:
Отправяся искать добычи на обед,
Попался он в тенета.
Без пользы сила в нем, напрасен рев и стон,
Как он ни рвался, ни метался,
Но всё добычею охотника остался,
И в клетке на показ народу увезен.
Про Мышку бедную тут поздно вспомнил он,
Что бы помочь она ему сумела,
Что есть бы от ее зубов не уцелела
И что его своя кичливость съела.

Читатель, — истину любя,
Примолвлю к басне я, и то не от себя —
Не попусту в народе говорится:
Не плюй в колодезь, пригодится
Воды нанитися.

КУКУШКА И ПЕТУХ

«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!» —
«А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:
Во всем лесу у нас такой певички нет!» —
«Тебя, мой куманек, век слушать я готова». —
«А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтоб начала ты снова...
Отколь такой берется голосок?
И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так: собою не велички,
А песни, что твой соловей!» —
«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поешь ты лучше райской птички,
На всех ссылаюсь в этом я».

Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, —
Всё ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

ПАВЛИН И СОЛОВЕЙ

Невежда в физике, а в музыке знаток,
Услышал Соловья, поющего на ветке,
!! хочется ему иметь такого в клетке.
Приехав в городок,
Он говорит: «Хотя я птицы той не знаю
И не видал,
Которой пением я мысли восхищал,
Которую иметь я столь желаю,
Но в птичьем здесь ряду,
Конечно, много птиц найду». —
Наполняя мыслью такую,
Чтоб выбрать птиц на взгляд,
Пришел боярин мой во птичий ряд,
С набитым кошельком, с пустою головою.
Павлина видит он и видит Соловья
И говорит купцу: «Не ошибаюсь я,
Вот мной желанная прелестная певичка!
Нарядной бывши толь, нельзя ей худо петь;
Купец, мой друг! скажи, что стоит эта птица?»
Купец ему в ответ:
«От птицы сей, сударь, хороших песней нет;
Возьмите Соловья, сидяща близ Павлина,
Когда вам надобно хорошего певца». —
Немало то дивит невежду господина,
И, быть бояся он обманут от купца,
Прекрасна Соловья негодной птицей числит
И мыслит:
«Та птица перьями и телом так мала.
Не можно, чтоб она певичкою была».

Купив Павлина, он покупкой веселится
И мыслит пением Павлина насладиться.
Летит домой

И гостье сей отвел решетчатый покой;
А гостейка ему за выборы в награду
Пропела кошкою разов десяток сряду,
Мяуканьем своим невежде давши знать,
Что глупо голоса по перьям выбирать.
Подобно, как и сей боярин заключая,
Различность разумов пристрастно различая,
Передко жалуем того мы в дураки,
Кто платьем небогат, не пышен волосами;
Кто не обнизан вокруг перстнями и часами
И злата у кого не полны сундуки.

ЛЕВ И ЧЕЛОВЕК

Быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое.
Кто веры этому неймет,
Тот ясный здесь пример найдет,
Что сила без ума сокровище плохое.

Раскинувши тенета меж дерев,
Ловец добычи дожидался;
Но как-то, оплошав, сам в лапы Льву попался.
«Умри, презренна тварь!» взревел свирепый Лев,
Разинув на него свой зев.
«Посмотрим, где твои права, где сила, твердость,
По коим ты в тщеславии своем
Всей твари, даже Льва, быть хвалишься царем?
И у меня в когтях мы разберем,
Сразмерна ль с крепостью твоей такая гордость!» —
«Не сила — разум нам над вами верх дает»,
Был Человека Льву ответ:
«И я хвалиться смею,
Что я с уменьем то препятство одолею,
От коего и с силой, может быть,
Ты должен будешь отступить». —
«О вашем хвастовстве устал я сказки слушать». —

«Не в сказках доказать, я делом то могу;
А, впрочем, ежели солгу,
То ты еще меня и после можешь скушать.
Вот посмотри: между деревьев сих
Трудов моих
Раскинуту ты видишь паутину.
Кто лучше сквозь нее из нас пройдет?
Коль хочешь, я пролезу наперед;
А там посмотрим, как и с силой в свой черед
Проскочишь ты ко мне на половину.
Ты видишь: эта сеть не каменная стена;
Малейшим ветерком колеблется она;
Однако с силою одною,
Ты прямо сквозь нее едва ль пройдешь за мною». —
С презрением тенета обозрев,
«Ступай туда», сказал надменно Лев:
«Вмиг буду я к тебе дорогою прямою». —
Тут мой ловец, не тратя лишних слов,
Нырнул под сеть и Льва принять готов.
Как из лука стрела, Лев вслед за ним пустился;
Но Лев подныривать под сети не учился:
Он в сеть ударился, но сети не прошиб —
Запутался (ловец тут кончил спор и дело) —
Искусство силу одолело,
И бедной Лев погиб.

СОДЕРЖАНИЕ

Ворона и Лисица	3
Музыканты	4
✓ Ворона и Курица	4
Ларчик	5
Разборчивая невеста	6
Роша и Огонь	8
✓ Рок и Ягненок	9
Обезьяны	10
Синица	11
✓ Мартышка и Опи	12
Червонец	12
Троеженец	13
Орел и Куры	14
Мор зверей	15
Бочка	17
✓ Волк на псарне	18
Лисица и Сурок	19
Промысловые и Собаки	20
✓ Стрекоза и Муравей	21
Лжец	23
Орел и Пчела	24
✓ Шuka и Кот	25
Волк и Кукушка	26
Петух и Жемчужное Зерно	26
✓ Крестьянин и Работник	27
Обоз	28
✓ Слон на воеводстве	29
✓ Осел и Соловей	30
Слон и Моська	30
Волк и Волченок	31
Обезьяна	32
Мешок	34
✓ Кот и Повар	35
Лев и Комар	35

36
37
38
39
40
41
42
43
44
44
45
46
47
49
50
50
51
52
53
54
54
55
55
56
57
57
58
59
60
61
62
63
63
64
64
65
66
67
68
68
69

Совет Мышей
Мельник
Крестьянин и Змея
<u>Свинья под Дубом</u>
Паук и Пчела
Крестьянин и Овца
Богач и Поэт
Два мужика
Кошка и Соловей
<u>Рыбья пляска</u>
Прихожанин
<u>Пестрые овцы</u>
<u>Шука</u>
Осел
Павл
Павл и Осел
Лев
Волк и Кот
Белка
Лиса
Волки и Овцы
Лев и Мышь
Кукушка и Петух
Павл и Соловей
Лев и Человек

МАССОВАЯ СЕРИЯ

Редактор Н. Заволкин
Зумом. редактор Ш. Мухамедзянов
Техн. редактор А. Феотилогтов
Корректор Ахмедова

Серия в производстве 14/XI-51 г. Подписано в печать 4/VII-51 г. 144 стр. 200 экз.
бумага 84x100 мм. Бум. л. 1,5. Электрот. листов 1,61. Печать листов
Кол. знаков в 1 листе 10.720. Заказ А-296. Тираж 100 экз.

Отпечатано в заводской типографии имени Кавказа № 6 в правлении
полиграфической промышленности, в здании № 10 в г. Казани. Издательство
принадлежит ТАССР, г. Казань, ул. Баумана 10. 1951 г.